

The background of the cover is a textured, painterly illustration. It depicts a scene with a strong color palette of reds, oranges, and yellows, suggesting a fire or a warm, intense atmosphere. In the center, there is a dark, silhouetted figure, possibly a person, standing in a space that looks like a doorway or a narrow passage. The lighting is dramatic, with bright highlights and deep shadows. The overall style is reminiscent of a classical painting or a detailed illustration.

ИВЛИН
ВО

*Пригоршня
праха*

АЗБУКА-КЛАССИКА

Ивлин Во

Пригоршня праха

Серия «Азбука-классика»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66318586

*Пригоршня праха: Азбука, АзбукаАнтиквус; Санкт-Петербург; 2021
ISBN 978-5-389-19992-7*

Аннотация

Артур Ивлин Сент-Джон Во (1903–1966) – выдающийся британский писатель, романист, журналист, эссеист, биограф, критик, один из тончайших стилистов в английской прозе XX века, признанный мастер черного юмора и остроумной, ядовитой сатиры (нередко пронизанных, впрочем, скрытым лиризмом и исповедальностью, за которыми угадываются ностальгическое чувство и автобиографичность сюжета), создатель гротескно-смешных фантазий, где причудливо преломляются жизненный уклад, психологические типы, сословные предрассудки, социальные язвы и идеологические парадоксы медленно, но верно уходящей в прошлое Британской империи.

В книге представлен один из самых известных романов Ивлины Во «Пригоршня праха» (1934). Любовная интрижка со светским бездельником Джоном Бивером, затеянная от скуки леди Брендой Ласт, вскоре превращается в безрассудную страсть, которая приводит к драматичным последствиям: ее муж Тони,

наивный идеалист и романтик, спрятавшийся от городской суеты в идиллическом поместье Хеттон и воображавший себя средневековым лендлордом, столкнувшись с изменой, внезапно обнаруживает, что его гармоничный и рационально устроенный мир обратился в «пригоршню праха». Потеряв любовь и душевное равновесие, с трудом пережив случайную гибель сына и устав от зашедшего в тупик бракоразводного процесса, он отправляется с научной экспедицией в Бразилию на поиски некоего затерянного града – где оказывается в еще более плачевном, хотя и трагикомическом положении...

Содержание

1. Du côté de chez Beaver[1]	6
2. Английская готика I	17
Конец ознакомительного фрагмента.	89

Ивлин Во

Пригоршня праха

*...И я покажусь тебе нечто отличное
От тени твоей, что утром идет за тобою,
И тени твоей, что вечером хочет подать тебе
руку:*

*Я покажусь тебе ужас в пригоршне праха.
Т. С. Элиот. Бесплодная земля
Перевод А. Сергеева*

Evelyn Waugh
A HANDFUL OF DUST

Copyright © 1934, Evelyn Waugh
All rights reserved

© Л. Г. Беспалова, перевод, 1971

© Издание на русском языке. ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2021

Издательство АЗБУКА®

1. Du côté de chez Beaver¹

– А жертвы были?

– Слава богу, нет, – сказала миссис Бивер, – вот только две горничные сдуру выбросились через стеклянную крышу во внутренний двор. Им ничего не угрожало. До спален пожар так и не добрался, вот жалость-то. Но без ремонта им не обойтись: все в копоти и насквозь промокло – у них, к счастью, оказался старомодный огнетушитель, а он портит буквально все. Так что грех жаловаться. Главные комнаты выгорели *дотла*, и все было застраховано. Сильвия Ньюпорт их знает. Надо добраться до них с утра пораньше, не то их перехватит эта стервова миссис Шаттер.

Миссис Бивер, грея спину у камина, поглощала ежеутреннюю порцию простокваши. Она держала картонный стаканчик под самым подбородком и хлебала простоквашу ложкой.

– Господи, ну и гадость. Почему бы тебе, Джон, не приохотиться к ней? У тебя последнее время такой усталый вид. Я бы просто не продержалась без простокваши.

– Но, мамчик, я ведь не так занят, как ты.

– Что правда, то правда, сын мой.

Джон Бивер жил с матерью в доме на Суссекс-гарденз, куда они переехали после смерти отца. Обстановка дома не

¹ «По направлению к Биверу» (*фр.*) – перифраз названия романа М. Пруста «По направлению к Свану». (*Здесь и далее примеч. перев.*)

имела ничего общего с сурово элегантными интерьерами, которые миссис Бивер сооружала для своих клиентов. Сюда составили мебель из двух больших по размеру домов, которую не удалось сбыть; мебель эта не претендовала на принадлежность ни к одному определенному стилю и менее всего – к нынешнему. Предметы получше, а также те, что были дороги миссис Бивер как память, стояли в Г-образной гостиной наверху.

Биверу была отведена темноватая тесная гостиная (на первом этаже, за столовой) и отдельный телефон. Пожилая горничная приглядывала за его гардеробом. Она же вытирала пыль, начищала, аккуратно и симметрично расставляла на письменном столе и комодке коллекцию мрачных и громоздких предметов, помещавшихся прежде в туалетной комнате его отца: не знающие сносу подарки к свадьбе и совершеннолетию, одетые в слоновую кость и бронзу, обтянутые свиной кожей, украшенные гербами и оправленные в золото доспехи дорогостоящей мужественности эдвардианских времен – фляги для бегов и фляги для охоты, портсигары, банки для табака, высокие сапоги, замысловатые пенковые трубки, крючки для пуговиц и щетки для шляп.

В доме было четверо слуг, все женщины, и все, за исключением одной, пожилые.

Бивер, когда его спрашивали, почему он живет с матерью, а не поселится отдельно, иногда отвечал, что матери так лучше (несмотря на занятость, ей было бы тоскливо одной), а

иногда, что экономит на этом по меньшей мере фунтов пять в неделю.

Так как его недельный доход равнялся шести фунтам, экономия, что и говорить, существенная.

Ему шел двадцать шестой год. По окончании Оксфорда он, пока не начался кризис, работал в рекламном агентстве. С тех пор никому так и не удалось подыскать ему место. Итак, он вставал поздно и чуть не весь день просиживал у телефона в ожидании звонка.

Если дела позволяли, миссис Бивер попозже отлучалась на час из лавки. Она пунктуальнейшим образом являлась туда к девяти и уже к половине двенадцатого нуждалась в отдыхе. Так что, если не ожидался важный покупатель, она садилась в свой двухместный автомобиль и ехала в Суссекс-гарденз. Бивер обычно успевал одеться, и ей со временем стал просто необходим их утренний обмен сплетнями.

* * *

– Как провел вечер?

– В восемь позвонила Одри, пригласила на обед. Десять человек в «Эмбасси», тощица. Потом отправились всей компанией к даме по фамилии де Тромме.

– Знаю ее. Американка. С прошлого апреля никак не заплатит за набивные чехлы на стулья. У меня тоже выдался неудачный вечер: ни одной хорошей карты, – и в результате

проиграла четыре фунта десять.

– Бедный мамчик.

– Я обедаю у Виолы Казм. А ты? Я не заказала дома обеда, ты уж извини.

– Пока нигде. Правда, всегда можно пойти к Брэтту.

– Это слишком дорого. Я думаю, если попросить Чэмберс, она тебе что-нибудь принесет. Я была уверена, что ты обедаешь в гостях.

– Что ж, может, так оно и выйдет. Еще нет и двенадцати.

(Бивер чаще всего получал приглашения в последнюю минуту, а то и позже, когда приступал в одиночестве к трапезе с подноса... «Джон, лапочка, тут вышла неувязка – Соня явилась без Реджи. Будь добр, выручи, пожалуйста. Только поторопись, мы уже садимся за стол». Тогда он опрометью кидался за такси и появлялся, рассыпаясь в извинениях, после первой перемены блюд... Одна из его немногих за последнее время ссор с матерью произошла, когда, получив такое приглашение, он удалился со званого обеда, бросив ее с гостями.)

– Куда поедешь на воскресенье?

– В Хетгон.

– А кто там живет? Я что-то не помню.

– Тони Ласт.

– Ах да, как же, как же. Она красотка, он зануда. Я и не знала, что ты с ними знаком.

– Ну, какое там знакомство. Тони пригласил меня вчера

вечером у Брэтта. Он мог и забыть.

– А ты пошли телеграмму – напomini. Это лучше, чем звонить. Так труднее отвертеться. Пошли телеграмму завтра, прямо перед отъездом. Они мне задолжали за стол.

– Что тебе о них известно?

– С ней я часто встречалась, пока она не вышла замуж. Она в девичестве – Бренда Рекс, дочь лорда Сент-Клауда, белокурая, этакая ундина на вид. По ней тогда многие с ума сходили. Одно время считалось, что она выйдет за Джокя Грант-Мензиса. Тони Ласт ее не стоит, он сухарь. Ей пора бы и заскучать, так я полагаю. Они женаты лет пять-шесть. Состояние у них немалое, но все уходит на дом. Я его никогда не видела, но у меня такое впечатление, что он большой и неслыханно уродливый. У них по крайней мере один ребенок, а может, и больше.

– Мамчик, ты чудо. Ты все про всех знаешь.

– Это большое подспорье. Просто надо слушать, что говорят вокруг, только и всего.

Миссис Бивер выкурила сигарету и отбыла в лавку. Какая-то американка купила два стеганых лоскутных одеяла, по тридцать гиней каждое. Леди Метроленд справилась относительно потолка в ванной, незнакомый молодой человек заплатил наличными за подушку; в перерыве между этими делами миссис Бивер успела спуститься в подвал, где две павшие духом девицы упаковывали абажуры. В подвале стоял холод, стены его отсырели, несмотря на то что он обогре-

вался печуркой. Девицы управляют хоть куда, с удовлетворением отметила миссис Бивер, особенно та, что покоренастей, она ворочает ящики – мужчине в пору.

– Так держать, Джойс, – сказала она, – у тебя неплохо получается. Я тебя скоро переведу на работу поинтереснее.

– Спасибо, миссис Бивер.

Будут торчать в упаковочной, покуда не взбунтуются, решила миссис Бивер. С такой внешностью делать наверху нечего. Обе девицы выложили немалые деньги за право обучаться у миссис Бивер.

* * *

А Бивер все торчал у телефона. Раздался звонок.

– Мистер Бивер? – услышал он. – Подождите, пожалуйста, у телефона, сэр. С вами хочет говорить леди Типпинг.

Наступившую паузу Бивер провел в приятном ожидании. Леди Типпинг давала сегодня обед, это он знал; вчера вечером они долго разговаривали, он был в ударе. Значит, в последнюю минуту кто-то подвел...

– Мистер Бивер, мне так неприятно вас беспокоить. Вы не могли бы сказать, как зовут молодого человека, вы его представили мне вчера вечером у мадам де Тромме? Того, с рыжеватыми усиками. Он, кажется, член парламента.

– Вы, очевидно, имеете в виду Джока Грант-Мензиса.

– Да-да, вы угадали. Вы, случайно, не знаете, где его мож-

но найти?

– Его адрес есть в справочнике. Но вряд ли он сейчас дома. Его можно застать у Брэтта около часа. Он почти всегда там.

– Джек Грант-Мензис, Брэтт-клуб. Большое вам спасибо. Вы очень любезны. Надеюсь, вы как-нибудь заглянете ко мне. Всего, всего вам хорошего.

Телефон замолчал.

В час Бивер отчаялся. Надел пальто, перчатки, котелок, взял аккуратно свернутый зонтик и отбыл в клуб, подъехав за пенни на автобусе до угла Бонд-стрит.

* * *

Впечатление старины, которое Брэтт-клуб производил благодаря изысканному георгианскому фасаду и прекрасной панельной обшивке комнат, было чистейшей воды подделкой, ибо клуб этот – вполне недавнего происхождения – возник вследствие эпидемии общительности, разразившейся сразу после войны. Предполагалось, что это будет клуб для молодых людей, где они могли бы греться, раскорячившись, у камина и колобродить в ломберной, не рискуя навлечь недовольство старших членов. Теперь основатели сами подошли к среднему возрасту, со времени демобилизации лица их побагровели, они обрюзгли, полысели, но жизнерадостности не утеряти и теперь приводили в трепет своих

преемников, порицая их за отсутствие насущных для мужчины и джентльмена качеств.

Бар загоразивали шесть широких спин. Бивер расположился в соседней комнате на кресле и стал перелистывать «Нью-Йоркер» в ожидании – не подвернется ли кто из знакомых.

Наверх поднялся Джок Грант-Мензис. Мужчины у стойки приветствовали его: «Джок, старик, что будешь пить?» – или попросту: «Так как, старик?» По молодости лет он не мог участвовать в войне, но мужчины у стойки его признавали; они относились к нему куда лучше, чем к Биверу, которого, по их мнению, и вовсе не следовало принимать в клуб. Однако Джок остановился поболтать с Бивером.

– Привет, старик, – сказал он. – Что пьешь?

– Пока ничего. – Бивер посмотрел на часы. – Но, пожалуй, пора пропустить рюмочку. Бренди с лимонадом.

Джок подозвал бармена и сказал:

– Что за старушенцию ты подсунул мне вчера вечером?

– Ее зовут миссис Типпинг.

– Так я и думал. Все понятно. Мне внизу передали, что дама с такой фамилией приглашает меня на обед.

– Пойдешь?

– Нет, званые обеды не по моей части. И потом я еще утром решил поесть устриц здесь.

Бармен принес заказ:

– Мистер Бивер, сэр, по книге за вами числится за послед-

ний месяц должок в десять шиллингов.

– Спасибо, Макдугал, не забудьте при случае напомнить, идет?

– Слушаюсь, сэр.

Бивер сказал:

– Я завтра еду в Хеттон.

– Вот как? Передай привет Тони и Брендe.

– Какие там порядки?

– У них тихо и вполне славно.

– Интеллектуальными играми не увлекаются?

– Нет-нет, ничего подобного. Бридж, триктрак и покер по маленькой с соседями.

– А как насчет комфорта?

– Не так уж плохо. Выпивки полно. Ванных маловато. К завтраку вставать не обязательно.

– Я не знаком с Брендой.

– Бренда тебе понравится, она молодчина. Я часто думаю: какой счастливчик Тони. Денег ему хватает, он любит Хеттон, у него один сын, которого он обожает, преданная жена – и никаких забот.

– Можно только позавидовать. Не знаешь, кто еще к ним едет, а? Я вот думаю, кто бы меня туда подбросил.

– Да нет, не знаю. Туда можно добраться поездом.

– Да, но на машине приятнее.

– И дешевле.

– Да, надо думать, и дешевле... Что ж, пойду пообедаю.

Не хочешь еще по одной?

Бивер уже встал.

– Пожалуй, не откажусь.

– Вот как, прекрасно. Макдугал! Еще по одной, пожалуйста.

Макдугал сказал:

– Записать за вами, сэр?

– Да, сделайте одолжение.

Позже Джок рассказывал в баре:

– А я выставил Бивера на рюмку коньяку.

– Вот уж, наверное, расстроился.

– Чуть не лопнул с досады. В чушках что-нибудь понимаете?

– Нет. А вам зачем?

– Да вот, округ мой засыпал запросами.

* * *

Бивер спустился вниз, но перед тем как пойти в столовую, велел швейцару позвонить домой и узнать, что нового.

– Несколько минут назад звонила леди Типпинг, спрашивала, не можете ли вы отобедать у нее сегодня.

– Позвоните, пожалуйста, леди Типпинг и передайте, что я почту за честь отобедать у нее, но, возможно, на несколько минут опоздаю.

Когда Бивер покинул Брэтт-клуб и быстрым шагом напра-

вился к Хилл-стрит, была уже половина второго.

2. Английская готика I

I

Между деревнями Хеттон и Комpton-Ласт раскинулся обширный парк Хеттонского аббатства. В прошлом одно из самых замечательных зданий графства, аббатство было полностью перестроено в 1864 году в готическом стиле и в настоящее время никакого интереса не представляет. Парк открыт для посетителей ежедневно до заката солнца, для осмотра дома требуется предварительно обратиться за разрешением в письменной форме. Имеются несколько хороших картин, мебель. Прекрасный вид с террасы.

Этот отрывок из местного путеводителя не слишком огорчал Тони Ласта. Ему доводилось слышать отзывы еще менее лестные. Его тетка Фрэнсис, озлобленная неукоснительной строгости воспитанием, заметила когда-то, что план дома не иначе как создан мистером Пексниффом² на основе чертежей сиротского приюта, творения одного из его учеников. Но каждый его глазированный кирпич и расписной изразец был дорог сердцу Тони. Управлять таким домом нелег-

² Персонаж романа Ч. Диккенса «Жизнь и приключения Мартина Чезлвита», бездарный архитектор.

ко, это он знал, но разве есть большие дома, которыми легко управлять? Дом не вполне отвечал современным представлениям о комфорте; но Тони наметил множество маленьких усовершенствований – он собирался их осуществить, едва выплатит налог на наследство. Однако сам вид и дух Хеттона – очертания зубчатых стен на фоне неба, главная часовая башня с курантами, которые каждые четверть часа не будили разве что самых крепких сонь; церковный мрак огромной залы с колоннами шлифованного гранита и обвитыми лозой капителями, поддерживавшими крестовые своды потолка, расписанного красными и золотыми ромбами, который днем не мог рассеять скудный свет, проникавший сквозь стрельчатые витражи в гербах, а вечером – огромная газовая люстра из меди и сварочного железа, где рожки заменили двадцатью электрическими лампочками; вихри горячего воздуха, вырывающиеся из допотопного нагревательного аппарата через чугунные решетки в форме трилистников и внезапно обжигающие ноги; подвальный холод далеких коридоров, где в целях экономии кокса он приказал отключить отопление; трапезная с консольными балками кровли и хорами смолистой сосны; спальни с медными спинками кроватей, и в каждой фриз с готическим текстом, названные в честь Мэлори³, Изольды, Элейны, Мордред, Мерлина, Говейна и Бедивера, Ланселота, Персиваля, Тристрама, Гала-

³ Томас Мэлори (ок. 1417–1471) – писатель и переводчик, автор «Смерти Артура», романа о рыцарях Круглого стола.

хада; его туалетная – фея Моргана, Брендина – Гвиневера⁴, где кровать стоит на возвышении, стены увешаны гобеленами, камин походит на гробницу тринадцатого столетия, а из эркерного окна в ясные дни видны шпили шести церквей, – Тони вырос среди этих вещей, и они служили для него постоянным источником восторга и восхищения, будили в нем нежные воспоминания и горделивые чувства собственника.

Готика вышла из моды, это Тони понимал. Двадцать лет назад сходили с ума по средневековым домишкам и оловянной утвари, теперь пришел черед урн и колоннад, но настанет час, возможно в дни Джона Эндрю, когда общественное мнение вернет Хеттон на подобающее ему место. Его уже называли «занятым», и весьма учтивый молодой человек попросил разрешения сфотографировать его для архитектурного обозрения.

* * *

Потолок в фее Моргане нуждался в ремонте. Чтобы придать ему видимость кессона, на штукатурку крест-накрест набили фасонные перекладины. Они были расписаны синне-золотым орнаментом.

Клетки между ними заполняли тюдоровские розы, чередовавшиеся с геральдическими лилиями. Но один угол про-

⁴ Герои цикла сказаний о короле Артуре и рыцарях Круглого стола.

тек, и позолота там потемнела, а краска облупилась; в другом деревянные дранки покоробились и торчали из штукатурки. Десять минут, отделявших пробуждение от того момента, когда он протягивал руку к звонку, Тони пристально изучал эти изъяны, снова и снова обдумывая, как их устранить. И задавался вопросом, удастся ли ему найти мастеров, способных выполнить такую тонкую работу.

Фея Моргана стала его комнатой с тех пор, как он перешел из детской. Его поместили тут, потому что отсюда ему было удобно звать родителей (неразлучных в Гвиневере): он очень долго был подвержен ночным кошмарам. С тех пор как он поселился в этой комнате, он ничего не выбрасывал из нее и с каждым годом что-нибудь добавлял, так что тут образовался своего рода музей, где были представлены все периоды его развития – изображение дредноута, извергающего дым и пламя из всех пушек (цветное приложение к «Чамз»⁵ в рамке), групповая фотография (с соучениками по частной школе), горка под названием «Хранилище», набитая плодами множества случайных увлечений: яйцами, окаменелостями, монетами; портрет родителей в кожаном складне, стоявший у его изголовья в школе; фотография Бренды восьмилетней давности, снятая в ту пору, когда он ухаживал за ней; Бренда с Джоном на руках после крещения; гравюра, изображавшая Хеттон до того, как его снес прадед Тони; несколько

⁵ «Чамз» («Друзья-приятели») – детский иллюстрированный журнал, издававшийся с 1892 года.

полок с книгами: «Бевис»⁶, «Домашний плотник», «Фокусы для всех», «Малые гости»⁷, «Что нужно знать о законах землевладельцу и арендатору», «Прощай, оружие!».

* * *

По всей Англии люди просыпались подавленные и озабоченные. Тони десять минут блаженствовал, прикидывая, как обновить потолок. Затем потянулся к звонку:

– Ее милость звонила?

– Да, сэр, четверть часа назад.

– В таком случае я буду завтракать у нее в комнате.

Тони надел халат и шлепанцы и прошел в Гвиневеру.

Бренда лежала на возвышении.

Она потребовала себе современную кровать. В изголовье стоял поднос, на одеяле валялись конверты, письма и газеты. Голова ее опиралась на крошечную голубую подушечку, ненакрашенное лицо казалось почти бесцветным, перламутрово-розовым, лишь чуть более насыщенного оттенка, чем шея и руки.

– Ну как? – сказал Тони.

⁶ *Бевис* Гемптонский – герой цикла стихотворных романов XIII века, в XVII веке переделанных в народную книгу.

⁷ Книга, написанная девятилетней девочкой Дейзи Эшфорд, о приключениях престарелого мистера Солтины и его молодой воспитанницы Этель Монтикью, изданная известным английским писателем Джеймсом М. Барри с сохранением всех особенностей и ошибок подлинника.

– Целуй.

Он сел рядом с подносом, она наклонилась к нему (нереди, выныривающая из бездонной глубины прозрачных вод). Не подставила губы, а потерлась щекой о его щеку, как кошка. Такая у нее была манера.

– Что-нибудь интересное?

Он взял несколько писем.

– Ничего. Мама просит няню прислать мерку Джона. Она ему что-то вяжет к Рождеству. Мэр просит меня что-то там открыть в следующем месяце. Можно, я не буду, ну пожалуйста?

– Нет, по-видимому, придется согласиться: мы давно ничего для него не делали.

– Ладно, только речь напишешь сам. Я уже состарилась для той девической, которая у меня была на все случаи жизни. Еще Анджела спрашивает: может, мы приедем на Новый год?

– Тут ответить просто. Ни за что на свете.

– Я так и думала... хотя, похоже, у нее будет забавно.

– Если хочешь, поезжай. А я никак не смогу вырваться.

– Да ладно. Я знала, что ты откажешь, еще до того как вскрыла письмо.

– Не понимаю, что за радость тащиться в Йоркшир посреди зимы...

– Милый, не злись. Все ясно, мы не едем. Я молчу. Просто мне казалось, что было бы занятно для разнообразия поси-

деть на чужих хлебах.

Горничная Бренды принесла второй поднос. Тони велел поставить его на подоконник и стал вскрывать письма. Он выглянул в окно. В это утро были видны лишь четыре шпиля из шести.

– Кстати, в этот уик-энд я, наверное, *смогу* вырваться, – вдруг сказал он.

– Милый, это не слишком большая жертва?

– Пожалуй, нет.

Пока он завтракал, Бренда читала ему газеты.

– Реджи опять произнес речь... Вот потрясающая фотография Бейб и Джока... Женщина в Америке родила близнецов от двух разных мужей. Как по-твоему, возможно такое? Еще два парня отравились газом... девочку удавили на кладбище шнурком... пьеса, которую мы с тобой видели, та, о ферме, сходит со сцены...

Потом она ему читала роман с продолжением. Он закурил трубку.

– Я вижу, ты не слушаешь. Отвечай: почему Сильвия не хочет, чтобы Руперт получил это письмо?

– А? Что? Видишь ли, на самом деле она не доверяет Руперту.

– Так я и знала. Там нет никакого Руперта. Никогда больше не стану тебе читать.

– По правде говоря, я задумался.

– Вот как?

– Я думал, до чего же замечательно: сегодня суббота и к нам никто не приедет.

– Ты так думаешь?

– А ты?

– Знаешь, мне иногда кажется бессмысленным содержать такой огромный дом, если не звать время от времени гостей.

– Как так – бессмысленным? Не понимаю, о чем ты. Я содержу этот дом вовсе не для того, чтобы сюда приезжали разные олухи перемывать друг другу косточки. Мы всегда тут жили, и я надеюсь, после моей смерти Джону Эндрю удастся сохранить дом. В конце концов, у меня определенные обязательства и перед нашими служащими, и перед самим Хеттоном... Поместья составляют неотъемлемую часть английского образа жизни, и мы нанесли бы непоправимый урон... – Тут Тони осекся и посмотрел на кровать. Бренда зарылась лицом в подушку, и теперь из-под простынь выглядывала только ее макушка.

– О господи, – сказала она. – За что?

– Кажется, я опять ударился в пафос?

Она повернулась на бок, и теперь из-под одеяла видны были лишь один глаз и нос.

– Ох нет, милый, это даже не пафос. Это бог знает что такое.

– Извини.

Бренда села.

– Ну не сердись. Я не то хотела сказать. Я тоже рада, еще

как рада, что никто не придет.

(За семь лет супружеской жизни такие шуточные сценки нередко повторялись.)

* * *

Стояла мягкая английская погода; в лощинах – туман, на холмах – бледное солнце; чащи высохли – безлистые ветки не удержали недавнего дождя, зато подлесок, влажный и темный в тени, сверкал и переливался там, куда проникали солнечные лучи; лужайки под ногами чавкали, по канавам бежала вода.

Джон Эндрю сидел на пони торжественно и прямо, как лейб-гвардеец, пока Бен ставил препятствие. Громобоя дядя Реджи подарил Джону в день, когда ему исполнилось шесть лет. Джон сам выбрал имя для пони после долгих совещаний. Первоначально пони звали Кристабель, но Бен сказал, что это кличка для собаки, не для пони. Бен знал когда-то чалого по кличке Громобой, так вот он убил двух всадников и четыре года кряду побеждал в местных скачках с препятствиями. Отличный был конек, рассказывал Бен, пока на охоте не пропорол себе брюхо, ну его и пристрелили. Бен знал множество историй о разных лошадях. На одном коне, по кличке Нуль, он как-то раз в Честере выиграл пять монет при ставке десять к трем. А еще он во время войны видел мула по кличке Одуванчик, так тот выпил запас рома на всю

роту и окошел. Но Джон не хотел давать своему пони кличку какого-то пропойцы-мула. Так что в конце концов, несмотря на миролюбивый нрав пони, они остановились на Громобое.

Это был темно-гнедой пони с длинным хвостом и гривой. Ноги ему Бен оставил лохматыми. Он щипал траву, невзирая на попытки Джона поднять ему голову.

До Громобоя уроки верховой езды проходили совсем по-другому. Джон трусил по загону на шетлендском пони по кличке Кролик, а няня, вцепившись в уздечку, пыхтя, плелась рядом. Теперь он ездил как настоящий мужчина. Няня усаживалась на складном стульчике с вязаньем в руках вне пределов слышимости. Бен, соответственно, получил повышение. Из простого конюха он прямо на глазах преобразился в стремянного. Шейный платок он заменил галстуком и закалывал его булавкой в форме лисьей головы. Бен был человек тертый, он много чего повидал на своем веку.

Ни Тони, ни Бренда не охотились, но им очень хотелось пристрастить Джона к охоте. Бен предчувствовал, что настанет время, когда конюшни заполнятся лошадьми и его назначат конюшим: мистер Ласт не возьмет чужака, он не такой.

Бен раздобыл два шеста с просверленными дырками и побеленную жердь и соорудил с их помощью посреди поля барьер вышиной в два фута.

– Теперь полегонечку! Давай галопом и помедленней, а когда она снимется, пригнись – и перелетишь, как птичка. Держи ей голову на барьер.

Громобой прорысил вперед, прошел два шага легким галопом, но перед самым барьером сробел и, снова перейдя на рысь, обогнул его. Джон бросил повод, обеими руками вцепился в гриву, удержался в седле и виновато посмотрел на Бена, тот закричал:

– На кой черт тебе ноги дадены, а? Вот, держи, хлестанешь, как до дела дойдет.

И передал Джону хлыст.

Няня, сидя у ворот, перечитывала письмо от сестры.

Джон отвел Громобоя назад и снова попытался взять барьер. На этот раз они пошли прямо на жердь.

Бен крикнул: «Ноги!» – Джон ударил пятками и потерял стремя. Бен воздел руки к небу, словно собирался ворон пугать. Громобой прыгнул, Джон вылетел из седла и шлепнулся на траву.

Няня всполошилась:

– Мистер Хэккет, что случилось? Он убился?

– Ничего ему не будет, – сказал Бен.

– Ничего мне не будет, – сказал Джон. – Громобой, по моему, споткнулся.

– Еще чего, споткнулся. Просто ты распустил ноги, ядри их в корень, и сел на жопу. В другой раз не бросай повод. Так ты всю охоту загубишь.

С третьей попытки Джон взял барьер и, взволнованный, дрожащий, потеряв стремя и вцепившись для верности одной рукой в гриву, обнаружил, что усидел в седле.

– Ну, каково? Перелетел что твоя ласточка. Повторим?

Еще дважды Джон с Громобоем перепрыгивали через барьер, потом няня велела идти домой пить молоко. Они отвели пони в конюшню. Няня сказала:

– Господи, курточку-то как измазал.

Бен сказал:

– Ты у меня вскорости на скачках призы будешь брать.

– Всего вам хорошего, мистер Хэкет.

– И вам, мисс.

– До свидания, Бен. Можно, я вечером приду на ферму, посмотрю, как ты чистишь лошадей?

– Не мне решать. У няни спроси. Но знаешь что, у серой ломовой глисты завелись. Хочешь посмотреть, как я лекарство ей даю?

– Очень хочу. Нянь, можно мне посмотреть, ну можно?

– Спроси у мамы. А теперь идем, хватит с тебя на сегодня лошадей.

– Не хватит, – сказал Джон, – совсем не хватит.

Дорбгой он спросил:

– А можно, я буду пить молоко у мамы в комнате?

– Посмотрим.

Няня всегда давала уклончивые ответы вроде: «Поживем – увидим», «Много будешь знать, скоро состаришься», «Подрастешь – узнаешь», резко отличавшиеся от решительных и суровых суждений Бена.

– А что смотреть?

– Мало ли что...

– Ну например?

– Например, посмотрим, будешь ты задавать глупые вопросы или нет.

– Глупая шлюха, старая шлюха.

– *Джон!* Как ты себя ведешь? Это еще что такое?

Вдохновленный успехом своей вылазки, Джон вырвался у няни из рук и, приплясывая и распевая: «Старая шлюха, глупая шлюха», дошел таким манером до боковых дверей. Когда они поднялись на порог, няня молча сняла с него гаммаши; ее мрачный вид несколько отрезвил Джона.

– Ступай прямо в детскую, – сказала няня. – А я расскажу маме о твоём поведении.

– Няня, прости. Я не знаю, что тут плохого, но я ничего плохого сказать не хотел.

– Ступай прямо в детскую.

* * *

Бренда наводила красоту.

– С тех пор как Бен Хэкет учит его ездить верхом, с ним, ваша милость, просто сладу нет.

Бренда плюнула в тушь:

– И все же, няня, что именно он сказал?

– Ой, да мне и выговорить стыдно, ваша милость.

– Чепуха, говорите. Иначе я могу подумать, что он сказал

что-нибудь похуже.

– Уж хуже некуда... он назвал меня старой шлюхой, ваша милость.

Бренда поперхнулась в полотенце:

– Так и назвал?

– И не раз. Выплясывал передо мной до самого дома и *распевал* во весь голос.

– Понятно... Вы совершенно правильно сделали, что ска-
зали мне.

– Благодарю вас, ваша милость, но раз уж зашел такой разговор, я вам скажу, что, по моему разумению, Бен Хэкет очень уж торопится с этой ездой. Так недалеко и до беды. Сегодня утром мальчик упал с лошади и чуть не убили.

– Хорошо, няня. Я поговорю с мистером Ластом.

Она поговорила с Тони. Оба хохотали до упаду.

– Милый, – сказала она, – поговорить с ним надо *тебе*. Ты в серьезном жанре выступаешь лучше меня.

* * *

– А я считал, что «шлюха» – очень хорошее слово, – возразил Джон, – и потом Бен всех так называет.

– И напрасно.

– А я больше всех на свете люблю Бена. И он всех вас умнее.

– Ты же понимаешь, что не можешь любить его больше

мамы.

– Все равно люблю больше. *Куда* больше.

Тони почувствовал, что пора прекратить пререкания и приступить к заранее подготовленной проповеди.

– Послушай, Джон. Ты поступил очень плохо, назвав няню старой шлюхой. Во-первых, ты ее обидел. Вспомни, сколько она для тебя ежедневно делает.

– Ей за это платят.

– Помолчи. И во-вторых, люди твоих лет и твоего положения в обществе не употребляют таких слов. Люди бедные употребляют известные выражения, но джентльмены никогда. Ты джентльмен. Когда ты вырастешь, этот дом и много чего другого станет принадлежать тебе. И ты должен научиться разговаривать, как будущий владелец всего этого, научиться вести себя предупредительно с теми, кто менее счастлив, чем ты, и в особенности с женщинами. Ты меня понял?

– А что, Бен не такой счастливый, как я?

– Это к делу не относится. А теперь иди наверх, извинись перед няней и пообещай никого так не называть.

– Ладно.

– И раз ты сегодня так скверно себя вел, я не разрешаю тебе завтра кататься верхом.

– Завтра воскресенье.

– Ладно, тогда послезавтра.

– Ты сказал «завтра», так нечестно.

– Джон, не препирайся. Если ты не возьмешься за ум, я отошлю Громобоя дяде Реджи и скажу ему, что не считаю возможным оставить пони такому нехорошему мальчику. Ведь тебе бы это было неприятно?

– А зачем дяде Реджи пони? Он не сможет ездить на пони, он слишком тяжелый. И потом, он всегда за границей.

– Он отдаст пони другому мальчику. И вообще, это не относится к делу. А теперь беги, попроси у няни прощения.

Уже в дверях Джон сказал:

– Так мне можно кататься в понедельник? Ты же сказал «завтра».

– Да, видимо, так.

– Ура! Громобой сегодня прекрасно шел. Мы прыгнули высоко-высоко. Он сначала закинулся, а потом перелетел, как птичка.

– И ты не упал?

– Ага, один раз. Но Громобой тут ни при чем. Просто я распустил ноги, ядри их в корень, и сел на жопу.

* * *

– Ну как твоя лекция? – спросила Бренда.

– Ужасно. Просто ужасно.

– Беда в том, что няня ревнует к Бену.

– Боюсь, и мы станем к нему ревновать в самом скором времени.

Они обедали за круглым столиком, стоявшим посреди огромной столовой. Обеспечить ровную температуру в столовой оказалось делом невозможным: даже когда один бок поджаривался в непосредственной близости к камину, другой леденили десятки перекрестных сквозняков. Бренда перепробовала все: и ширмы, и переносной электрорадиатор, но особых успехов не достигла. Даже сегодня, когда повсюду было тепло, в столовой стоял пронизывающий холод.

Хотя Тони и Бренда отличались прекрасным здоровьем и нормальным телосложением, они сидели на диете. Это сообщало некоторую пикантность их трапезам и спасало от двух варварских крайностей, грозящих одиноким едокам, – всепоглощающего обжорства и беспорядочного чередования яичниц и бутербродов с непрожаренным мясом.

Сейчас они придерживались системы, при которой исключалось сочетание белков и углеводов в одной трапезе. Они приобрели каталог, где было обозначено, какие продукты содержат белки и какие углеводы; большинство нормальных блюд содержали и то и другое, так что Тони и Бренда немало забавлялись, выбирая меню. Обычно кончалось тем, что они заказывали какое-то блюдо «в порядке исключения».

– Я убежден, что оно мне очень полезно.

– Да, милый, а когда нам прискучит эта диета, мы сможем перейти на алфавитную и каждый день есть продукты, начинающиеся на другую букву. На «з» мы здорово наголодаемся: весь день ничего, кроме заливных угрей и земляничного

желе... Ты что собираешься делать днем?

– Ничего особенного. В пять придет Картер просмотреть еще раз счета. А после обеда я, может, съезжу в Пигстэнтон. Похоже, у нас арендуют лоуотерскую ферму, она долго пуствовала, и надо посмотреть, какие там нужны переделки.

– А я б не отказалась от киношки.

– Идет. Лоуотер вполне подождет до понедельника.

– А потом можно зайти в Вулворт, ну как?

В итоге, принимая во внимание милые повадки Бренды и здравый смысл Тони, не приходится удивляться, что друзья считали их примерной парой, весьма успешно разрешившей проблему совместного существования.

Пудинг без белков оказался неаппетитным.

Пять минут спустя принесли телеграмму. Тони вскрыл ее и сказал:

– Вот черт.

– Плохие новости?

– Хуже не бывает. Читай.

Бренда прочла: «ПРИЕЗЖАЮ ТРИ ВОСЕМНАДЦАТЬ НЕТЕРПЕНИЕМ ЖДУ ВСТРЕЧИ. БИВЕР».

– Кто такой Бивер? – спросила она.

– Один молодой человек.

– А что, звучит заманчиво.

– Вот уж нет. Посмотрим, что ты скажешь, когда увидишь его.

– Зачем он к нам приедет? Ты его пригласил?

– Наверное, пригласил, но вполне неопределенно. Я зашел как-то вечером к Брэтту, кроме Бивера, там никого не оказалось, мы с ним выпили, и он вроде сказал, что хотел бы посмотреть наш дом...

– Ты, наверное, был пьян.

– Не очень, и потом, я никак не предполагал, что он мне это припомнит.

– Ну и поделом тебе! Вот что получается, когда ты уезжаешь по делам в Лондон, а меня оставляешь одну. Но кто он такой все-таки?

– Просто молодой человек. У его матери еще эта лавка.

– Я была с ней когда-то знакома. Гнусная баба. Кстати, помнится, мы ей должны деньги.

– Слушай, давай позвоним ему и скажем, что мы заболели.

– Поздно, он уже давно в поезде и поедает железнодорожный завтрак, за свои три шиллинга шесть пенсов без удержу смешивая углеводы и белки... Его можно сунуть в Галахада. Еще не было случая, чтобы гость провел там ночь и приехал снова: видно, тамошней кровати никому не выдержать.

– И все-таки, что мы будем с ним делать?

– Ты поезжай в Пигстэнтон. А я займусь им. В одиночку это проще. Вечером его можно повести в кино, а завтра ты покажешь ему дом. Если нам повезет, он уедет вечерним поездом. Ему надо на работу в понедельник утром?

– Понятия не имею.

3:18 – далеко не самый удобный поезд. Приезжаешь без четверти четыре, и если ты, как Бивер, не свой человек в доме, не знаешь, как скоротать время до чая; однако без Тони, чье присутствие ее бы стесняло, Бренда справлялась со своими обязанностями не без грации, а Биверу так редко искренне рады, что он не заметил некоторой сдержанности приема.

Бренда ждала его в комнате, по старой памяти называвшейся курительной; это было, пожалуй, наименее мрачное место в доме.

– Как мило, что вы к нам выбрались, – сказала она. – Я должна вас сразу предупредить: вы наш единственный гость. Боюсь, вам у нас будет скучно... Тони пришлось уехать по делам, но он скоро вернется... Поезд был переполнен? По субботам всегда так... Не хотите выйти на воздух? Скоро стемнеет, так что давайте ловить солнце, пока не поздно... – И так далее.

При Тони ей было бы куда труднее – она перехватила бы его взгляд, и манеры владелицы замка с нее бы соскочили. Бивер умел поддерживать разговор, так что они вышли через стеклянные двери на террасу, спустились в голландский садик, обогнули оранжерею и вернулись в дом, не испытав и минутной неловкости. Бренда вдруг услышала, как рассказывает Биверу, что его мать одна из ее стариннейших прия-

тельниц.

Тони успел к чаю. Он извинился, что не смог встретить гостя, и почти сразу же удалился в кабинет совещаться с управляющим. Бренда расспрашивала Бивера о Лондоне и о том, какие за последнее время состоялись приемы. Бивер проявил невероятную осведомленность.

– Полли Кокперс скоро дает прием.

– Да, я знаю.

– Вы приедете?

– Скорее всего, нет. Мы теперь практически не выезжаем.

Шутки, обошедшие за полтора месяца весь город, для Бренды имели прелесть новизны, повторение придало им отточенность, и Биверу удалось преподнести их довольно эффектно. Он рассказал Бренде о многочисленных переменах в личной жизни ее друзей.

– А что у Мэри с Саймоном?

– Неужели не знаете? Полный разрыв.

– И давно?

– Началось это еще летом, в Австрии...

– А Билли Ангмеринг?

– Пустился в загул с девицей по имени Шила Шрабб.

– А что слышно у Хелм-Хаббардов?

– У них тоже не ладится... Дейзи открыла новый ресторан.

Он пользуется успехом... Еще появился новый ночной клуб под названием «Садок»...

– Господи, – сказала Бренда в заключение. – Живут же

люди!

После чая появился Джон Эндрю и тут же завладел разговором.

– Здравствуйте, – сказал он. – Я не знал, что вы приедете. Папа сказал: как хорошо раз в кои-то веки провести воскресенье без гостей. Вы охотитесь?

– Давно не охотился.

– Бен говорит, что все, кому позволяют средства, должны охотиться для блага страны.

– Наверное, мне средства не позволяют.

– А вы бедный?

– Ради бога, мистер Бивер, не разрешайте ему вам доучать.

– Да, очень бедный.

– Такой бедный, что можете называть всех шлюхами?

– Да, такой.

– А как вам удалось стать таким бедным?

– Я всегда был бедным.

– А! – Джон потерял интерес к теме. – А у серой ломовой на ферме глисты.

– Откуда ты знаешь?

– Бен сказал. А потом, это по навозу видать.

– Боже мой, – сказала Бренда, – что бы сказала няня, если бы слышала тебя?

– А сколько вам лет?

– Двадцать пять. А тебе?

– А чем вы занимаетесь?

– Ничем особенным.

– На вашем месте я бы чем-нибудь занялся, чтоб заработать деньги. Тогда вы могли бы охотиться.

– Но тогда я не мог бы называть всех шлюхами.

– В этом все равно проку нет.

(Позже, за ужином в детской, Джон сказал:

– По-моему, мистер Бивер ужасно глупый, а по-твоему?

– Откуда мне знать? – сказала няня.

– По-моему, из всех, кто к нам приезжал, он самый глупый.

– Гостей хулить – бога гневить.

– Было бы в нем хоть что-нибудь хорошее. У него глупый голос и глупый нос, глупые глаза и глупая голова, – выводил Джон, точно в церковном хоре пел, – глупые ноги и глупое лицо, глупые руки и глупое пальто...

– Кончай-ка ужинать, – сказала няня.)

* * *

Вечером, перед ужином, Тони, встав позади Бренды (она сидела у туалетного столика), склонился над ее плечом и скорчил в зеркале рожу.

– Я страшно виноват перед тобой – кинул на тебя Бивера и удрал. Ты была с ним очень мила.

Она сказала:

– Это не так уж тяжело. Его можно пожалеть.

А в это время чуть дальше по коридору Бивер обследовал свою комнату с основательностью многоопытного гостя. Настольная лампа отсутствовала. Чернила в чернильнице высохли. Огонь в камине давно потух. Ванная, как он уже отметил, была черт-те где, в башенке, куда надо карабкаться по узкой лестнице. Кровать ему не понравилась – ни на вид, ни на ощупь; он для пробы прилег, и пружинный матрас, с ямой посередине, угрожающе задребезжал. Обратный билет в третьем классе стоит восемнадцать шиллингов. А еще чаевые надо давать.

Тони чувствовал свою вину перед Бивером, и поэтому к обеду было подано шампанское, хотя ни он, ни Бренда шампанского не любили. Не любил его, как оказалось, и Бивер, но тем не менее он был польщен. Шампанское перелили в высокий кувшин и передавали по кругу как символ гостеприимства. После чего они отправились в пигстэнтонский кинотеатр, где шел фильм, который Бивер видел несколько месяцев тому назад. По возвращении в курительную их ждал поднос с грогом и сэндвичами. Они поболтали о фильме, и Бивер утаил, что смотрел его во второй раз. Тони проводил Бивера до дверей сэра Галахада.

– Надеюсь, вам здесь будет хорошо спаться.

– Нисколько не сомневаюсь.

– Вас надо будить?

– Удобно будет, если я позвоню?

– Разумеется. У вас есть все, что нужно?

– Да, спасибо. Спокойной ночи.

– Спокойной ночи.

Однако, вернувшись в курительную, Тони сказал:

– Знаешь, меня мучит совесть из-за Бивера.

– Брось, насчет Бивера можешь не беспокоиться, – сказала Бренда.

Однако Бивер чувствовал себя очень неуютно, он ворочался на постели, терпеливо пытаясь найти положение, в котором смог бы заснуть, и думал, что раз ему больше сюда не приезжать, он ничего не даст дворецкому и только пять шиллингов приставленному к нему лакею. В конце концов ему удалось приладиться к пересеченному ландшафту матраса, и он заснул прерывистым, беспокойным сном до утра. Однако новый день начался с неприятного сообщения, что все воскресные газеты уже отнесли в комнату ее милости.

* * *

По воскресеньям Тони неизменно облачался в темный костюм и белый крахмальный воротничок. Он шел в церковь, сидел на массивную сосновую скамью, снабженную пышными алыми подушками для коленопреклонений, и камином, оборудованным по всем правилам – чугунная решетка, маленькая кочерга, ею отец Тони, бывало, громыхал, когда какое-нибудь место в проповеди вызывало его неодобрение;

скамью эту поставил еще прадед Тони в пору перестройки Хеттона. После смерти отца огня в камине не разводили, но Тони намеревался возродить к следующей зиме этот обычай. На Рождество и на праздник урожая Тони читал тексты из Священного Писания с аналоя, украшенного медным орлом.

После службы он любил несколько минут постоять на паперти с сестрой викария и кое с кем из деревенских. Потом возвращался через поля тропкой, ведущей к боковому входу в альпийский садик; наведывался в оранжереи, выбирал себе бутоньерку, останавливался у садовничьих домиков поболтать (из дверей его обдавало теплыми, все забывающими запахами воскресных обедов) и торжественно завершал свой поход в библиотеке стаканом хереса. Таков был простой, но не без оттенка торжественности обряд его воскресного утра, который сложился более или менее стихийно на базе куда более суровых обычаев его родителей; Тони придерживался его с огромным удовольствием. Всякий раз, когда Бренда ловила его на том, что он изображает честного богобоязненного джентльмена старой школы, она подтрунивала над ним, и Тони смеялся вместе с ней, но это отнюдь не умаляло радости, которую ему доставлял еженедельный ритуал, или неудовольствия, если присутствие гостей нарушало его привычки.

Вот почему сердце у него оборвалось, когда, выйдя в четверть одиннадцатого из кабинета в залу, он застал там Бивера – тот был одет и явно ожидал, когда его начнут развле-

кать; огорчение Тони, правда, было недолгим, ибо, приветствуя гостя, он заметил, что тот изучает железнодорожное расписание.

– Надеюсь, вам хорошо спалось?

– Великолепно, – сказал Бивер, хотя его бледный вид свидетельствовал об обратном.

– Очень рад. Я и сам здесь всегда хорошо сплю. Но что это вы смотрите расписание? Уж не собираетесь ли вы нас покинуть?

– Увы, мне придется уехать сегодня вечером.

– Как неудачно. Я вас почти не видел. К тому же по воскресеньям плохо с поездами. Самый удобный отправляется в пять сорок пять и прибывает в девять. Он идет со всеми остановками, и в нем нет вагона-ресторана.

– Мне он подойдет.

– Вы никак не сможете остаться до завтра?

– Никак.

По парку разносился звон церковных колоколов.

– Что ж, мне пора в церковь. Полагаю, вы вряд ли захотите ко мне присоединиться?

Бивер в гостях всегда старался угодить хозяевам, даже если визит оказывался таким безотрадным, как этот.

– Что вы, с превеликим удовольствием.

– Нет, правда, я бы на вашем месте ни за что не пошел. Что вам за радость. Я и сам иду скорее по необходимости. Оставайтесь здесь. Сейчас спустится Бренда. Когда захотите

выпить, позвоните.

– Что ж, не стану возражать.

– Тогда до скорого свидания.

Взяв в прихожей шляпу и палку, Тони вышел из дому.

«Ну вот, я снова был нелюбезен с этим молодым человеком», – подумал он.

В подъездной аллее звонко и призывно звучали колокола, и Тони поспешил на зов. Вскоре звон прекратился, раздался один удар – деревню предупредили, что через пять минут органист приступит к первому гимну. Тони нагнал няню с Джоном, они тоже шли в церковь. Джон был сегодня на редкость доверителен, он сунул Тони ручку в перчатке и без лишних слов приступил к рассказу, занявшему их до самых церковных дверей, это была история мула Одуванчика, который выпил весь ротный запас рома под Ипром в 1917 году; рассказывал он не переводя духа, потому что бежал вприпрыжку, стараясь не отстать от отца. Когда рассказ кончился, Тони сказал:

– Какая грустная история.

– Вот и я так думал, но на самом деле совсем наоборот. Бен говорит, у него были смеху полные штаны.

Колокол замолк, органист из-за занавески следил, когда появится Тони. Тони прошел по проходу к своему месту, няня и Джон следовали за ним. Он сел в кресло; они расположились на скамье за ним. Он на полминуты склонил голову на руки; когда он откинулся на спинку кресла, органист взял

первые такты гимна: «Не входи в суд с рабом Твоим, о Господи!» Служба пошла своим чередом. И, вдыхая приятный, слегка отдающий плесенью запах, привычно садясь, вставая и кланяясь, Тони витал мыслями где-то далеко, с событий прошлой недели перескакивая на будущие планы. Временами какая-нибудь примечательная фраза в литургии возвращала его к действительности, но в основном в это утро его занимал вопрос о ваннах и уборных: сколько их еще можно встроить, не нарушая общего стиля дома.

Деревенский почтальон подошел с кружкой для пожертвований. Тони бросил заранее заготовленные полкроны, Джон и няня свои пенни.

Викарий с трудом взобрался на кафедру. Преклонный старик, он почти всю жизнь прослужил в Индии. Отец Тони дал ему приход по просьбе своего зубного врача. Викарий обладал благородного тембра зычным голосом и считался лучшим проповедником в округе.

Проповеди были созданы им в расцвете сил и предназначались для гарнизонной часовни; он никак не пытался приспособить их для своей паствы, и они по большей части заканчивались обращением к далеким очагам и далеким семьям. Прихожане этому нисколько не удивлялись. Немногое из того, о чем говорилось в церкви, имело, как они замечали, отношение к их жизни. Они очень любили проповеди своего викария и знали, что, когда викарий заводит речь о далеким очагах, пора отряхивать пыль с колен и искать зонтики.

– «...И вот теперь, в этот торжественнейший час недели нашей, когда мы стоим здесь, обнажив головы, – читал он, изо всех сил напрягая мощный стариковский голос перед концовкой, – вспомним милостивую государыню нашу королеву⁸, чью службу мы несем здесь, и помолим Господа о том, дабы минула ее чаша сия и не пришлось бы ей посылать нас во исполнение долга нашего в отдаленнейшие уголки земли, подумаем об очагах, ради нее оставленных, и о далеких семьях наших и вспомним о том, что хотя между нами и лежат пустыни и океаны, никогда мы не бываем к ним так близки, как поутру в воскресенье, когда, несмотря на разделяющие нас пески и горы, мы едины в преданности властительнице нашей и в общем молебствовании о ее благоденствии; все мы – гордые подданные ее скипетра и короны».

(«Преподобный Тендрил ужас как уважает королеву», – сказала как-то Тони жена садовника.)

Хор стал во фронт, спел последний гимн, паства с минуту постояла молча, склонив головы, и потянулась к дверям. Прихожане не здоровались, пока не высыпали на кладбище, и только там приветствовали друг друга – кто участливо, кто сердечно, кто словоохотливо.

Тони поговорил с женой ветеринара и с мистером Партри-

⁸ Имеется в виду королева Виктория, в правление которой (1837–1901) была написана проповедь. Действие романа происходит в начале 30-х годов, при Георге V (1910–1936).

джем из лавки, затем к нему подошел викарий.

– Леди Бренда, надеюсь, не заболела?

– Ничего серьезного, легкое недомогание. – Тони неизменно отвечал так, когда появлялся в церкви без Бренды. – Очень интересная проповедь, викарий.

– Рад, что она вам понравилась, дорогой мальчик. Это одна из моих любимых. Неужели вы никогда раньше ее не слышали?

– Нет. Уверяю вас.

– Да, последнее время я ее здесь не читал. Но когда меня приглашают замещать, я неизменно останавливаю выбор на ней. Сейчас справлюсь – у меня отмечено, когда я ее читал. – Старик вынул из-под мышки большую рукописную книгу, открыл ее. Черный переплет книги обветшал, страницы пожелтели от старости. – Так-так, вот оно. Первый раз я ее читал в Джелалабаде кольдстримским гвардейцам⁹; потом в Красном море – я тогда в четвертый раз возвращался с побывки, – потом в Сидмуте, Ментоне, Уинчестере, на летнем слете вожаков герл-скаутов в 1921 году... В гильдии церковных актеров в Лестере... Дважды зимой 1926 года в Борнмуте – бедная Ада тогда так болела... Да, пожалуй, я не читал ее здесь с 1911 года, а вы тогда были слишком малы, чтобы ее оценить.

Сестра викария завязала с Джоном беседу. Он рассказы-

⁹ Имеется в виду оккупация Джелалабада (1879–1880) английскими войсками в ходе второй англо-афганской войны.

вал ей про мула Одуванчика:

– ...Бен говорит, он бы оклемался, если бы мог блевать, только мулы не могут блевать, и лошади не могут.

Няня схватила его за руку и потащила к дому:

– Сколько раз я тебе говорила, чтоб ты не смел повторять, что говорит Бен Хэкетт! Мисс Тендрил неинтересно про Одуванчика. И чтоб я больше от тебя не слышала такого слова – «блевать».

– Это же значит, что его тошнило.

– Мисс Тендрил неинтересно знать, как кого тошнило.

Когда группки между папертью и кладбищенскими воротами стали распадаться, Тони направился в сад. В оранжереях был сегодня богатый ассортимент бутоньерок, он выбрал лимонно-желтые гвоздики с алыми кружевными краями для себя и Бивера и камелию для жены.

* * *

Лучи ноябрьского солнца, проникая сквозь витражи стрельчатых окон и эркеров, окрашивались расписными гербами в зелень, золото, червлень и лазурь, дробились освинцованными эмблемами на множество цветных пятен и точек. Бренда ступенька за ступенькой спускалась по главной лестнице, попадая то в сумрак, то в радужное сияние. Обеими руками она прижимала к груди сумочку, шляпку, незаконченную вышивку по канве и растрепанную кипу воскресных

газет; из-за всего этого, словно из чадры, выглядывали только глаза и лоб. Внизу из тьмы вынырнул Бивер и остановился у подножия лестницы, глядя на Брендю:

– Вам помочь?

– Нет, спасибо, я справлюсь. Как спали?

– Великолепно.

– Пари держу, что нет.

– Видите ли, я вообще плохо сплю.

– В следующий раз, как приедете, вам отведут другую комнату. Но только вряд ли вы приедете. У нас такое редко случается. А это очень печально, потому что без гостей скучно, а живя здесь, невозможно завести новых друзей.

– Тони ушел в церковь.

– Да, он это любит. Он скоро вернется. Давайте выйдем на несколько минут – такая прелестная погода.

По возвращении Тони застал их в библиотеке. Бивер гадал Бренде на картах.

– А теперь еще раз снимите, – говорил он, – и посмотрим, что будет, что случится... Вот... вас ждет нечаянная радость и деньги через чью-то смерть. Вернее, вы кого-то убьете. Не могу сказать кого – мужчину или женщину... ах да, женщину... Потом вам предстоит дальняя дорога, за морем вы выйдете замуж за шестерых негров разом, родите одиннадцать детей, отпустите бороду и умрете.

– Какой противный! А я-то думала, вы всерьез. Привет, Тони. Как было в церкви – получил удовольствие?

– Полное. Хереса не хотите?

Когда перед самым обедом они остались вдвоем, Тони сказал:

– Детка, ты просто героиня – приняла весь удар на себя.

– Что ты, я люблю давать представления, и, по правде говоря, я бессовестно его завлекаю.

– Так я и понял. Что ж, я займусь им после обеда, а вечером он уедет.

– Разве? Мне даже жалко. Знаешь, в чем разница между нами: когда к нам приезжает какой-нибудь жуткий тип, ты тут же скрываешься, а мне даже доставляет удовольствие мести перед ним хвостом и любоваться, как здорово это у меня выходит. И потом, Бивер не так уж плох. В некоторых отношениях он такой же, как мы.

– Только не такой, как я, – сказал Тони.

* * *

После обеда Тони предложил:

– Если вам действительно интересно, я могу показать вам дом. Я знаю, теперь этот стиль не в моде, – моя тетка Фрэнсис говорит, что это подлинный Пекснифф, – но, по-моему, в своем роде он хорош.

Осмотр занял два часа. В тонком искусстве осмотра домов Бивер не знал себе равных: ведь он был взлелеян на этом – он с детства сопровождал мать, которая всегда увлекалась ин-

терьерами, а позже, вынужденная обстоятельствами, сделала из них профессию. Он рассыпал хвалы к месту, так что Тони, и без того любивший показывать свои соколовища, просто расцвел.

Хеттон был порожден последним всплеском готического возрождения: к этому времени течение уже порастратило фантазию и причудливость и стало скучно рациональным и тяжеловесным.

Они осмотрели все: гостиную, где окна, точно в школьном актовом зале, закрывались ставнями, монастырские коридоры, сумрачный внутренний дворик, часовню, где до воцарения Тони ежедневно зачитывали молитвы домочадцам, буфетную и контору, спальни и чердаки, резервуар для воды, спрятанный среди зубчатых стен. Взобрались по винтовой лестнице к часовому механизму и дождались, пока пробьет половина четвертого. Затем, едва не оглохнув, спустились вниз и перешли к коллекциям слоновой кости, печаток, табакерок, фарфора, позолоченной бронзы, перегородчатой и прочих эмалей; постояли перед каждым портретом в дубовой галерее и обсудили их родственные связи; брали с полок в библиотеке наиболее примечательные фолианты, рассматривали гравюры Хеттона до перестройки, расходные книги старого аббатства, путевые дневники предков Тони. Временами Бивер замечал: «У Тех-то и Тех-то есть похожая Там-то и Там-то», и Тони неизменно отвечал: «Да, я ее видел, но моя более ранняя». В конце концов они возвратились в ку-

рительную, и Тони препоручил Бивера Бренде.

Бренда, свернувшись в кресле, коротала время над вышивкой.

– Ну как? – спросила она, не поднимая глаз от вышивки. – Что скажете?

– Великолепно.

– Знаете, мне вы можете этого не говорить.

– Ну, есть много поистине прекрасных вещей.

– Да, *вещи* действительно недурны.

– Разве вы не любите Хеттон?

– Я-то? Да я его *ненавижу*... то есть шучу, конечно... но иногда очень хочется, чтоб он не был *так* ужасающе и фундаментально безобразен. Только я скорее умерла бы, чем призналась в этом Тони. Разумеется, мы не могли бы жить нигде, кроме Хеттона. Тони просто помешан на доме. Смешно. Никто из нас не рвал на себе волосы, когда мой брат Реджи продал *наш* дом, а его, знаете ли, построил Ванбру...¹⁰ Мы вроде бы считаемся счастливыми, раз можем содержать Хеттон. Знаете, во что нам обходится жизнь здесь? Мы были бы очень богаты, если бы не Хеттон. А так нам приходится содержать пятнадцать человек прислуги, не считая садовников, плотников, ночного сторожа, множества работников на ферме и бог знает кого еще – вечно надо то часы завести, то сварганить счета, то вычистить ров, а мы с Тони ломаем себе головы, прикидываем, как дешевле поехать на

¹⁰ Джон Ванбру (1664–1726) – английский комедиограф и архитектор.

вечер в Лондон – машиной или купить дневной билет... Я бы не так досадовала, если бы дом был красивый, как, к примеру, дом моих родителей... но Тони здесь вырос и, разумеется, видит все другими глазами...

* * *

К чаю вышел Тони.

– Не сочтите за намек, – сказал он, – но, если хотите поспеть на этот поезд, вам пора собираться.

– Все в порядке, я уговорила его остаться до завтра.

– Если вы, конечно, не возражаете...

– Вот и прекрасно. Я очень рад. В воскресенье тяжело ехать, особенно этим поездом.

Вошел Джон.

– А я думал, мистер Бивер уезжает, – сказал он.

– Нет, он остается до завтра.

– А.

* * *

После обеда Тони читал газеты, а Бренда и Бивер, пристроившись на диване, играли в разные игры. Сначала они решали кроссворд. Потом Бивер говорил: «Я загадал», а Бренда задавала вопросы, пытаясь узнать, что он задумал.

Он задумал ром, которым упился мул Одуванчик. Джон поведал ему эту историю за чаем. Бренда тут же догадалась. Потом они играли в «Аналогии» – сначала об общих знакомых, потом друг о друге.

Они попрощались вечером: Бивер уезжал поездом 9:10.

– Когда приедете в Лондон, непременно дайте о себе знать.

– Может, я и выберусь на этой неделе.

Утром Бивер дал обоим – дворецкому и лакею – по десять шиллингов. Тони, которого, несмотря на героические усилия Бренды, все еще мучила совесть, спустился к завтраку попрощаться с гостем. Затем вернулся в Гвиневру.

– Наконец-то сбыли с рук. Ты была неподражаема, детка. По-моему, он уехал в полной уверенности, что ты от него без ума.

– Ну не такой уж он ужасный.

– Нет, не такой. Должен сказать, при осмотре дома он проявил и заинтересованность, и осведомленность.

* * *

Когда Бивер вернулся, миссис Бивер ела простоквашу.

– Кто у них был?

– Никого.

– Никого? Бедный мальчик!

– Они меня не ждали. Поначалу все шло ужасно, но потом

стало легче. Ты их точно описала. Она прелесть, он почти не раскрывал рта.

– Жаль, что я ее никогда не вижу.

– Она говорила, что хотела бы снять квартирку в Лондоне.

– Вот как? – Перестройка конюшен и гаражей в квартиры занимала немаловажное место в делах миссис Бивер. – А что именно ей нужно?

– Что-нибудь попроще. Две комнаты с ванной. Но она еще толком ничего не решила. Она пока не говорила с Тони.

– Я уверена, что смогу подыскать ей квартиру.

II

Если Бренде надо было поехать на день в Лондон за покупками, к парикмахеру или костоправу (последним она особенно увлекалась), она ехала в среду: в этот день билеты шли в полцены. Она уезжала в восемь утра и возвращалась вечером, в начале одиннадцатого. Ездила она обычно третьим классом, и вагоны по большей части бывали переполнены, потому что остальные домохозяйки, жившие по этой линии, тоже не упускали случая съездить в город задешево. Обычно она проводила день со своей младшей сестрой Марджори; муж ее, перспективный кандидат от консервативной партии, собирался баллотироваться в избирательном округе Южного Лондона, преимущественно лейбористских симпатий. Марджори была менее хрупкая, чем Бренда. Газеты на-

зывали их не иначе как «прелестные сестры Рекс». Марджори и Аллан были стеснены в средствах, но имели широкий круг знакомств; они не могли позволить себе ребенка и жили в маленьком домике вблизи Портмен-сквер, в двух шагах от Паддингтонского вокзала. У них был китайский мопс по кличке Джинн.

Бренда приехала с налету, поручив дворецкому позвонить Марджори и предупредить об ее приезде. Она выпорхнула из поезда, проведя два с четвертью часа в вагоне, где жалось по пять человек на скамейке, такая свежая и изящная, словно только что появилась из роскошных апартаментов отеля, где над ней трудилась целая армия массажисток, педикюрш, маникюрш и парикмахерш. Она никогда не выглядела средне – такая у нее была особенность: когда она действительно выматывалась, что нередко бывало после наездов в Лондон, то распадалась прямо на глазах и превращалась в халду; тогда она сидела еле живая у камина с чашкой размоченного в молоке хлеба до тех пор, пока Тони не уводил ее спать.

Марджори в шляпке сидела за письменным столом и колдовала над чековой книжкой и пачкой счетов.

– Детка, что за чудеса делает с тобой деревенский воздух! Ты выглядишь бесподобно. Скажи, где ты купила этот костюм?

– Не знаю, в каком-то магазине.

– Что нового в Хеттоне?

– Все то же. Тони работает под феодала. Джон Эндрю ру-

гается, как извозчик.

– А как ты?

– Я-то? Что мне сделается?

– Кто приезжал?

– Никто. На прошлой неделе гостил друг Тони – мистер Бивер.

– Джон Бивер?.. Как странно. Никогда не подумала бы, что он может нравиться Тони.

– Ты не ошиблась... А что он такое?

– Я его почти не знаю. Вижу иногда у Марго. Он мастак ходить в гости.

– А мне кажется, он довольно жалостный.

– Уж это точно. Ты на него кинула глаз?

– Господи, разумеется, нет.

Они повели Джинна на прогулку в парк. Пес был до крайности неблагодарный, он не глядел по сторонам, и его приходилось тащить волоком; они сводили его к уоттсовской «Физической мощи»¹¹; если его спускали с поводка, он стоял неподвижно, угрюмо уставясь в асфальт, до тех пор пока не поворачивали домой; только один раз он выказал некое подобие чувств: цапнул какого-то ребенка, который потянулся его погладить, а вслед за тем потерялся и обнаружился неподалеку – сидел под стулом, таращась на клочок бумаги. Он был совершенно бесцветный, с розовым носом, розовы-

¹¹ Статуя английского скульптора и художника Д. Ф. Уоттса (1817–1904), изображающая всадника на коне – олицетворение физической мощи.

ми губами и проплешинами вокруг глаз.

– Он, по-моему, начисто лишен человеческих чувств, – сказала Марджори.

Они поговорили о мистере Кратуэлле, их костоправе, о новом курсе лечения Марджори.

– Мне он этого никогда не делал, – позавидовала Бренда и тут же спросила: – А как, ты думаешь, у мистера Бивера насчет секса?

– Откуда мне знать? Представляю, какая это тоска... Значит, ты *все-таки* кинула на него глаз?

– Чего уж там, не так часто я вижу молодых людей, – сказала Бренда.

Они оставили пса дома и отправились за покупками – полотенца для детской, консервированные персики, часы для одного из привратников, отмечавшего шестидесятилетний юбилей службы в Хеттоне, банку отечественных креветок – побаловать Тони; записались к мистеру Кратуэлле. Поговорили о предстоящем приеме у Полли Кокперс.

– Непременно приезжай. Там наверняка не соскучишься.

– Может, и выберусь... Если удастся подыскать кавалера. Тони на дух не переносит Полли. А в моем возрасте уже неприлично разъезжать одной.

Обедать они пошли в новый ресторан на Олбермарл-стрит, недавно открытый их приятельницей Дейзи.

– Тебе везет, – сказала Марджори, едва они переступили порог, – здесь родительница твоего мистера Бивера.

За большим круглым столом в центре зала миссис Бивер кормила компанию человек в восемь, и отнюдь не бескорыстно – ресторан не оправдывал ожиданий Дейзи, она оплачивала обед, и вдобавок миссис Бивер был обещан подряд на весенний ремонт и обновление интерьера, если ресторан до этого времени не прогорит. Компания подобралась случайная – людей этих свели вместе не потому, что их что-либо объединяло, и менее всего привязанность к миссис Бивер или друг к другу, а потому лишь, что имена их были широко известны: среди них был не спесивый, хотя еще и не вполне опустившийся герцог, незамужняя девица, прославившаяся своими похождениями, танцовщица, романист, театральный художник, застенчивый помощник министра, который осознал, как он влип, когда было уже слишком поздно, и леди Кокперс.

– Господи, ну и сборище, – сказала Марджори, радостно махая им рукой.

– Лапочки, придете на мой прием? – разнесся на весь ресторан скрипучий голос Полли Кокперс. – Только, чур, никому ни слова. Это будет совсем интимный прием. Всего несколько человек – больше в моем доме не поместится, – только самые старые друзья.

– Все б отдала, чтобы посмотреть, кто на самом деле Поллины старые друзья, – сказала Марджори. – Она ни с кем дольше пяти лет не знакома.

– Какая жалость, что Тони не понимает ее прелести.

(Хотя состоянием своим Полли была обязана мужчинам, популярностью она пользовалась главным образом у женщин: они восторгались ее туалетами и купали по дешевке ее поношенные платья; первые шаги по пути наверх Полли сделала в кругах столь неприметных, что не нажила врагов в том мире, до которого потом возвысилась; несколько лет назад она вышла замуж за добродушного графа, на него в ту пору почему-то никто не посягал, и теперь вскарабкалась разве что не на самые вершины всевозможных социальных лестниц.)

После обеда миссис Бивер проследовала через зал к их столику.

– Мне ужасно некогда, но я просто не могла не подойти к вам. Мы так давно не виделись, а Джон рассказал мне, как *дивно* он провел у вас уик-энд.

– Мы живем так уединенно.

– Именно это он *обожает*. Бедный мальчик в Лондоне сбивается с ног. Скажите, леди Бренда, вы правда подыскиваете квартирку? Похоже, у меня есть именно то, что вам нужно. Сейчас дом ремонтируется, но к Рождеству будет готов. – Миссис Бивер посмотрела на часы. – О господи, надо бежать. А вы никак не могли бы заскочить сегодня ко мне на коктейль? Я бы вам все-все рассказала.

– Пожалуй... – сказала Бренда неуверенно.

– Непременно приходите. Жду вас к шести. Вы, наверное, не знаете, где я живу? – Сообщив адрес, миссис Бивер отбы-

ла.

- Что это она говорила о квартире? – спросила Марджори.
- Да так, есть у меня одна сумасбродная идея...

* * *

Позже, раскинувшись в неге на столе костоправа, под сильными пальцами которого ее позвонки трещали и щелкали, Бренда гадала, будет ли Бивер вечером дома.

«Скорее всего нет, если он так любит светскую жизнь, – думала она, – да и потом, что толку?..»

Но он был дома, невзирая на два приглашения.

Она получила все сведения о квартирке. Миссис Бивер свое дело знала.

– Что нужно людям, – сказала она, – чтоб было где переодеться и позвонить.

Она разгораживала домик в Белгрейвии на шесть квартир – каждая из комнаты с ванной, по три фунта в неделю за все; ванны будут просто шикарные, горячая вода в неограниченном количестве, все новейшие заокеанские усовершенствования, а в комнате поместится огромный стеной шкаф с электрическим освещением изнутри и останется место для постели.

– Это решит давно назревшую проблему, – сказала миссис Бивер.

– Я посоветуюсь с мужем и дам вам знать.

– Только побыстрее, ладно? На них просто невероятный спрос.

– Я вам очень быстро дам знать.

Когда Бренде пришло время уезжать, Бивер отправился с ней на станцию. Обычно она ела в вагоне булочки с шоколадом; они вместе сходили за ними в буфет. До отправления поезда оставалось много времени, и вагон был почти пуст. Бивер прошел в вагон и сел рядом с Брендой.

– Вам наверняка хочется уйти.

– Вовсе нет.

– У меня есть что читать.

– Но я *хочу* посидеть с вами.

– Очень мило с вашей стороны. – Потом она сказала довольно робко – ей никогда не приходилось просить о таком: – Вы бы, наверное, не согласились сопровождать меня к Полли?

Бивер заколебался. Перед приемом у Полли предполагалось несколько обедов, и его почти наверняка пригласят на один из них... свяжись он с Брендой, ее придется вести если не в «Эмбасси», так в другой роскошный ресторан... на это уйдет по меньшей мере три фунта... и еще надо будет возиться с ней, провожать ее домой... и если она, по ее словам, и в самом деле растеряла за последнее время всех знакомых (иначе зачем бы он ей понадобился?), значит он к тому же будет связан по рукам и ногам весь вечер...

– Мне очень жаль, – сказал он, – но я уже обещал обедать

в одном доме.

Бренда заметила его колебания.

– Я так и думала.

– Но мы там встретимся.

– Да, если я поеду.

– Я бы очень хотел сопровождать вас.

– Что вы, что вы... Я просто так спросила.

Веселое настроение, с которым они покупали булочки, улетучилось. Минуту они посидели молча. Потом Бивер сказал:

– Что ж, я, пожалуй, пойду.

– Да, бегите. Спасибо, что проводили.

Бивер пошел по платформе к выходу. До отхода поезда оставалось еще восемь минут. Вагон внезапно набился битком, и Бренда почувствовала, как она вымоталась.

«С какой стати бедному мальчику связываться со мной? – подумала она. – Но он мог бы отказать и поаккуратнее».

* * *

– Ну как, хоть сейчас к Барнардо?¹²

Бренда кивнула.

– Шел по улице малютка, – сказала она, – и совсем, совсем

¹² Имеются в виду приюты для беспризорных и бездомных детей, названные в честь их основателя и первого директора Томаса Джона *Барнардо* (1845–1905), известного английского филантропа.

пропал.

Она сидела, склоняясь над чашкой, и безучастно помешивала хлеб с молоком. Чувствовала она себя замерзко.

– Хорошо провела день?

Она кивнула:

– Видела Марджори и ее гнусного пса. Кое-что купила. Обедала у Дейзи, в ее новой забегаловке. Ходила к костоправу. Только и всего.

– Знаешь, мне бы хотелось, чтобы ты отказалась от этих поездок. Ты от них очень устаешь.

– Я-то? Что со мной сделается? Просто я хочу умереть – вот и все. И ради бога, Тони, милый, не говори, что надо идти спать, потому что я и пальцем пошевелить не могу...

* * *

На следующий день пришла телеграмма от Бивера: «УДАЛОСЬ ОТМОТАТЬСЯ ОБЕДА 16. ВЫ ЕЩЕ СВОБОДНЫ».

Она ответила: «ОЧЕНЬ РАДА. СЕМЬ РАЗ ОТМЕРИТЬ ВСЕГДА ХОРОШО. БРЕНДА».

До сих пор они избегали называть друг друга по имени.

– Ты сегодня как будто в хорошем настроении, – сказал Тони.

– Я себя прекрасно чувствую. Благодаря мистеру Кратуэллу. Он приводит в порядок и нервы, и кровообращение, и все-все.

Ш

– А куда мама уехала?

– В Лондон.

– А почему?

– Дама по имени леди Кокперс устраивает прием.

– Она хорошая?

– Маме нравится. Мне нет.

– А почему?

– Потому что она похожа на обезьяну.

– Вот бы на нее посмотреть! А она в клетке сидит? А хвост у нее есть? Бен видел женщину, похожую на рыбу, так у нее была не кожа, а чешуя. В цирке, в Каире. И пахло от нее, Бен говорит, как от рыбы.

После отъезда Бренды они пили чай вместе.

– Пап, а что леди Кокперс ест?

– Ну, орехи и разные другие штуки.

– Орехи и какие штуки?

– Самые разные орехи.

И на долгое время образ волосатой и зловредной графини занял воображение Джона Эндрю. Она поселилась в его мире так же прочно, как околевший с перепоею Одуванчик. И когда с ним заговаривали деревенские, он рассказывал им про графиню, про то, как она висит вниз головой на дереве и швыряется в прохожих ореховой скорлупой.

– Это ж надо – про живого человека такое придумать! – говорила няня. – Что бы сказала леди Кокперс, если бы услышала?

– Она бы трещала, тараторила, хлесталась хвостом, а потом наловила бы крупных сочных блох и позабыла обо всем.

* * *

Бренда остановилась у Марджори. Она оделась первой и прошла к сестре.

– Какая прелесть, детка. Новое?

– Более или менее.

Марджори позвонила дама, к которой она была звана на обед.

– Послушай, ты никак не можешь добыть Аллана сегодня вечером?

– Никак. У него митинг в Камберуэлле. Он скорее всего и к Полли не придет.

– Ну а *хоть* какого-нибудь мужчину можешь раздобыть?

– Что-то никто в голову не приходит.

– Ничего не поделаешь, будет на одного мужчину меньше, только и всего. Никак не пойму, что такое сегодня стряслось. Я позвонила Джону Биверу, и, представляешь, даже *он* занят.

– Видишь, – сказала Марджори, вешая трубку, – какой из-за тебя переполох. Ты перехватила единственного свободного мужчину в Лондоне.

– О господи, я и не подозревала...

Бивер прибыл без четверти девять, весьма довольный собой: он, пока одевался, отказался от двух приглашений на обед, получил десять фунтов по чеку в клубе, заказал столик с диваном у Эспинозы. И хотя он чуть ли не первый раз в жизни приглашал даму в ресторан, ритуал он знал назубок.

– Надо разглядеть твоего мистера Бивера, – сказала Марджори. – Давай заставим его снять пальто и выпить.

Однако, сойдя вниз, сестры слегка оробели, Бивер же ничуть не смутился. Он был весьма элегантен и выглядел гораздо старше своих лет.

«А он не так уж плох, этот твой мистер Бивер, – казалось, говорил взгляд Марджори, – вовсе нет»; и он, видя двух этих женщин вместе, – а они были красивы, каждая настолько по-своему, что, хотя в их родстве никто не усомнился бы, они могли бы сойти за представительниц разных рас, – начал понимать то, что всю неделю ставило его в тупик: отчего вопреки всем своим принципам и правилам он телеграфировал Бренде и пригласил ее на обед.

– Миссис Джимми Дин страшно расстроена, что не смогла вас сегодня залучить. Но я не выдала вас и не сказала, почему вы отклонили ее приглашение.

– Передайте ей от меня горячий привет, – сказал Бивер. – Но все равно мы встретимся у Полли.

– Мне пора идти. Обед назначен на девять.

– Подожди немного, – сказала Бренда. – Они наверняка

опоздают.

Теперь, когда она неминуемо должна была остаться наедине с Бивером, ей совсем этого не хотелось.

– Нет, мне пора. Развлекайтесь, господь с вами. – Марджори почувствовала себя старшей сестрой, видя, как Брендда волнуется и робеет на пороге романа.

После ухода Марджори обоим стало неловко, потому что за неделю разлуки каждый в мыслях своих сблизился с другим гораздо больше, чем позволяли их немногие встречи. Будь Бивер поопытнее, он бы прошел через всю комнату к Брендде и поцеловал бы ее – прямо там же, на ручке кресла, где она сидела, и, по всей вероятности, она бы не рассердилась. Вместо этого он непринужденно заметил:

– Нам, пожалуй, тоже пора.

– Да, а куда?

– Я думал, к Эспинозе.

– Отлично. Только слушайте, давайте договоримся сразу: это я вас приглашаю.

– Разумеется, нет... что вы.

– Не возражайте. Я пожилая замужняя женщина, на год старше вас, и притом довольно богатая, так что не спорьте – плачу я.

Бивер протестовал, пока они не сели в такси. Отчужденность никак не проходила, и Бивер уже подумывал: «Не ждет ли она, чтобы я на нее набросился?» Так что, когда они попали в затор у Мраморной арки, он потянулся к ней, однако

в последний момент она отстранилась. Он сказал: «Бренда, ну пожалуйста», но она отвернулась к окну и решительно потрясла головой. Потом, по-прежнему не отводя глаз от окна, протянула ему руку, и они молча просидели так, пока не доехали до ресторана.

Бивер был совершенно ошарашен.

Однако как только они оказались на людях, к нему вернулась былая уверенность. Эспиноза проводил их к столику справа от двери, несколько на отшибе, – это был единственный столик в ресторане, за которым можно было разговаривать, не опасаясь, что тебя услышат. Бренда передала Биверу меню.

– Выбирайте вы. Мне очень немного, и чтобы все блюда были с углеводами, но без белков.

Что бы вы ни заказывали, счет Эспиноза, как правило, представлял одинаковый, но Бренда могла этого не знать, и, так как подразумевалось, что платит она, Бивер стеснялся заказывать явно дорогие блюда. Все же по ее настоянию они заказали шампанское, а позже графинчик ликера для Бивера.

– Вы не представляете себе, как я волнуюсь. Ведь я в первый раз в жизни приглашаю на обед молодого человека.

Они просидели у Эспинозы, пока не подошло время ехать к Полли, раза два потанцевали, но больше болтали. Взаимный интерес настолько превышал их осведомленность друг о друге, что у них не было недостатка в темах.

Через некоторое время Бивер сказал:

– Простите, я вел себя в такси как последний идиот.

– Мм?

Он перестроился:

– Вы не очень рассердились, когда я пытался поцеловать вас?

– Я-то? Нет, не особенно.

– Тогда почему же вы отвернулись?

– О господи, вам еще много чего надо понять.

– Чего?

– Никогда не задавайте таких вопросов. Запомните это на будущее, ладно?

Он надулся.

– Вы со мной говорите, словно я студент, пустившийся в свой первый загул.

– Выходит, это загул?

– Для меня – нет.

Последовала пауза, потом Бренда сказала:

– Я не совсем уверена, что не сделала ошибку, пригласив вас на обед. Давайте попросим счет и поедем к Полли.

Счет пришлось ждать минут десять, промежуток этот надо было чем-то заполнить, и Бивер сказал, что он просит прощения.

– Вам бы надо *научиться* быть полюбезнее. – У Бренды вдруг наступило просветление. – Думаю, это вам под силу.

Когда счет в конце концов принесли, она сказала:

– Сколько полагается дать на чай?

Бивер объяснил.

– Вы уверены, что этого достаточно? Я дала бы вдвое больше.

– Ровно столько, – сказал Бивер и снова почувствовал себя старшим, чего и добивалась Бренда.

Когда они сели в такси, Бивер тут же понял: ей хочется, чтоб он ее поцеловал. Но он решил – пусть теперь сама делает первый шаг. Поэтому он отодвинулся и завел разговор о старом доме, который сносили, чтобы освободить место для квартала многоквартирных зданий.

– Заткнись, – сказала Бренда. – Иди ко мне.

Когда он поцеловал ее, она потерлась о его щеку своей, такая у нее была манера.

* * *

Прием у Полли был точь-в-точь таким, как она хотела, – аккуратным сколком всех лучших приемов, которые она посетила в прошлом году: тот же оркестр, тот же ужин и, самое главное, те же гости. В своем честолюбии она далеко не заходила: ей не нужно было ни произвести фурор, ни устроить прием настолько необычный, чтобы о нем говорили еще много месяцев спустя, не нужны ей были ни добытые из-под земли нелюдимые знаменитости, ни диковинные иностранцы. Ей нужен был самый обыкновенный шикарный прием,

и таким он и получился. Пришли практически все, кого она пригласила. Если и существовали другие труднодоступные миры, куда она не была вхожа, Полли о них не подозревала. Она хотела залучить именно этих людей – и добилась своего. И, стоя рядом с лордом Кокперсом, который ради такого случая, как примерный муж, появился на людях вместе с ней, что делал крайне редко, Полли, обозревая гостей, поздравляла себя с тем, что у нее сегодня очень мало лиц, которых она не желала видеть. В прошлые годы приглашенные с ней не церемонились и приводили с собой всех, с кем им случилось в тот день обедать. В этом году без особых усилий с ее стороны приличия не нарушались. Гости, пожелавшие привести с собой друзей, с утра позвонили ей и испросили позволения, а в большинстве своем и на это не отважились. Люди, которые всего полтора года назад делали бы вид, что и не подозревают о ее существовании, теперь непрерывным потоком поднимались по ее лестнице. Она сумела встать вровень с другими замужними дамами своего круга.

У подножия лестницы Бренда сказала:

– Пожалуйста, не оставляй меня. Я, наверное, тут никого не знаю. – И Бивер снова почувствовал себя защитником и покровителем.

Они прошли прямо к оркестру и стали танцевать, разговаривали они мало, только здоровались со знакомыми парами. Через полчаса Бренда сказала:

– Теперь я дам тебе передохнуть. Только смотри, не поте-

рять меня.

Она танцевала с Джоком Грант-Мензисом и двумя-тремя старыми приятелями и потеряла Бивера из виду, пока не наткнулась на него в баре, где он сидел в полном одиночестве. Он уже давно торчал здесь, перекидываясь одной-двумя фразами с входящими парами, но потом опять оставался в одиночестве. Он томился и в раздражении думал, что, не свяжись он с Брендой, он пришел бы сюда с большой компанией и все повернулось бы иначе.

Бренда заметила, что он не в духе, и сказала: «Пора ужинать».

Час был ранний, и буфет пустовал, только за несколькими столиками уединились серьезные парочки. В простенке стоял большой круглый, никем не занятый стол, они сели за него.

– Я собираюсь застрять здесь надолго, ты не против? – Она хотела, чтобы он снова почувствовал себя хозяином положения, и поэтому стала расспрашивать его о парочках за другими столиками.

Постепенно их стол заполнялся. К ним подсаживались старые друзья Бренды, с которыми она сблизилась в ту пору, когда начала выезжать и в первые два года брака до смерти отца Тони: мужчины слегка за тридцать, замужние женщины ее лет – одни из них не знали Бивера, другие не любили его. Стол их был явно самым веселым в комнате. Бренда подумала: «Как мой юный кавалер, должно быть, тяготится

этим». Ей и в голову не пришло, что, с точки зрения Бивера, ее старые друзья – самые завидные тут люди и он в восторге оттого, что его видят в такой компании.

– До смерти надоело? – шепнула ему она.

– Что ты, счастлив, как никогда.

– А мне надоело. Пойдем потанцуем.

Но оркестр отдыхал, и в бальной не было никого, кроме серьезных парочек, которые переместились сюда в поисках уединения и сидели там и сям вдоль стен, уйдя с головой в разговоры.

– О господи, – сказала Бренда, – мы влипли. Вернуться к столу неудобно... похоже, нам придется ехать домой.

– Но еще нет и двух.

– Для меня это поздно. Послушай, тебе совсем не надо ехать. Оставайся здесь и веселись.

– Разумеется, я поеду с тобой, – сказал Бивер.

Ночь была холодная, ясная. Бренда дрожала, и в такси он обнял ее. Они почти не разговаривали.

– Уже приехали?

Они посидели несколько секунд неподвижно. Потом Бренда высвободилась, и Бивер открыл дверцу.

– К сожалению, я не могу пригласить тебя выпить. Понимаешь, я не у себя и ничего здесь не найду.

– Что ты, что ты.

– Спокойной ночи, милый. Огромное спасибо, что приглядел за мной. Боюсь, я тебе отравила весь вечер.

– Что ты, что ты, – сказал Бивер.

– Позвони мне с утра... Договорились? – Она приложила руку к губам и повернулась к двери.

Еще с минуту Бивер раздумывал, стоит ли вернуться к Полли, но потом решил, что не стоит. Он был близко от дома, да и у Полли к этому времени все, должно быть, уже утомнились, так что он поехал на Суссекс-гарденз и тут же лег спать.

Не успел он раздеться, как внизу раздался телефонный звонок. Звонил его телефон. Он спустился по холоду на два пролета. Звонила Бренда.

– Милый, я уже собиралась повесить трубку. Подумала, что ты вернулся к Полли. Разве твой телефон не у постели?

– Нет, на первом этаже.

– Значит, я тебе зря позвонила?

– Ну не знаю. А в чем дело?

– Просто хотела пожелать тебе спокойной ночи.

– А-а, понятно, спокойной ночи.

– Ты позвонишь мне утром?

– Да.

– Рано-рано, до того, как наметишь планы?

– Да.

– Спокойной ночи, Господь с тобой.

Бивер снова поднялся на два пролета и залез в постель.

– ...Удрать в самый разгар веселья...

– Стыдно сказать, насколько это было невинно. Он даже не зашел.

– А вот этого-то как раз никто и не узнает.

– Он просто рассвирепел, когда я позвонила.

– А что он о тебе думает?

– Ничего не может понять... совершенно ошарашен и притосковывает.

– Ты что, собираешься это продолжать?

– Сама не знаю. – Зазвонил телефон. – Вот, наверное, он. Но это был не он.

Бренда пришла к Марджори, и они завтракали в постели. В это утро Марджори особенно вошла в роль старшей сестры.

– Право же, Бренда, твой молодой человек – это такое убожество...

– Я сама все знаю. Он не бог весть что, и сноб, и, похоже, у него рыба кровь, но мне он приглянулся, и все тут... и потом, я не уверена, что он *совсем* ужасный... он обожает свою гнусную мать... и потом, он вечно без денег. По-моему, ему очень не везло в жизни. Он мне все про себя вчера рассказал. Он был раз помолвлен, но они не смогли пожениться из-за денег, а с тех пор у него не было ничего приличного... Его

еще многому надо научиться. Этим отчасти он мне и нравится.

– О господи, я вижу, ты это всерьез.

Зазвонил телефон.

– Может, *на этот раз* он.

Но знакомый голос так громко заверещал в телефон, что Бренда слышала весь разговор.

– Добрый день, лапочка, какие последние сплетни?

– А, Полли, поздравляю – прекрасный прием.

– Правда, старушка не подкачала? Слушай, что там у твоей сестры с Бивером?

– Что у них?

– Давно они *путаются*?

– Полли, ты попала пальцем в небо.

– Да брось. Сразу видно, что у них далеко зашло. Нет, ты мне скажи, как это ему удалось. Вот что интересно. Что-то в нем наверняка есть, просто мы не замечали.

– Полли тебя засекла. В данный момент она оповещает весь Лондон о своих наблюдениях.

– Какая жалость, что и оповещать-то не о чем. Этот щенок мне даже не позвонил... Что ж, придется оставить его в покое. Если он не опомнится, я днем уезжаю в Хеттон. Вот, может, он.

Но это был всего-навсего Аллан, который звонил из штаб-квартиры консерваторов извиниться, что не смог накануне приехать к Полли.

– Я слышал, Бренда пустилась во все тяжкие, – сказал он.

– Господи, – сказала Бренда, – можно подумать, молодых людей так легко соблазнить.

* * *

– Я тебя почти не видела вчера у Полли, – сказала миссис Бивер. – Куда ты исчез?

– Мы рано уехали. Бренда Ласт устала.

– Она прелестно выглядела. Я очень рада, что ты с ней подружился. Когда ты с ней встречаешься?

– Я договорился, что позвоню.

– Ну, так чего же ты ждешь?

– Да что толку, мамчик? Разве я могу себе позволить ухаживать за женщиной вроде Бренды Ласт? Позвонишь ей, она скажет: «Что вы делаете?» – придется ее куда-нибудь вести, и так каждый день. У меня на это нет денег.

– Знаю, сын мой. Знаю, как тебе трудно... и как ты умеешь экономить. Я должна быть благодарна, что мой сын не обременяет меня долгами. И все же не стоит отказывать себе буквально во *всем*. Так ты в двадцать пять лет превратишься в старого холостяка. Я еще в тот вечер, когда Бренда пришла к нам, заметила, что ты ей нравишься.

– Это точно, я ей очень даже нравлюсь.

– Надеюсь, она решит наконец относительно квартиры. Они сейчас просто нарасхват. Мне придется присмотреть еще один дом, который можно перестроить. Ты просто не

поверишь, кто их снимает: масса людей с собственными домами в Лондоне... Ну, мне пора на работу. Кстати, я уезжаю на два дня. Проследи, чтобы Чэмберс как следует о тебе заботилась. Тут Сильвия Ньюпорт нашла каких-то австралийцев, они хотят снять дом в деревне, я повожу их, покажу им один-другой подходящий. Ты где обедаешь?

– У Марго.

* * *

К часу, когда они возвратились домой, выгуляв Джинна, Бивер еще не звонил.

– Раз так, значит так, – сказала Бренда. – Я как будто даже рада.

Она послала Тони телеграмму, что приедет дневным поездом, и слабым голосом велела упаковать вещи.

– Похоже, мне сегодня негде обедать, – сказала она.

– Почему бы тебе не пойти к Марго? Я уверена, она будет рада.

– Ладно, позвони ей, спроси.

И она снова встретила Бивера.

Он сидел довольно далеко от нее, и, пока гости не начали расходиться, им так и не пришлось поговорить.

– Я пытался дозвониться тебе все утро, – сказал он, – но было занято.

– Да ладно, – сказала Бренда. – Веду тебя в киношку.

Позже она телеграфировала Тони: «ОСТАЮСЬ МАР-ДЖОРИ ДЕНЬ ДВА ЦЕЛЮЮ ВАС ОБОИХ».

IV

– А мама сегодня приедет?

– Надеюсь.

– Как долго она гостит у этой обезьяньей тетки. Можно, я поеду на станцию ее встречать?

– Конечно, поедем вместе.

– Она целых четыре дня не видела Громобоя. И как я прыгаю через новый барьер, тоже не видела, верно, пап?

Бренда приехала поездом 3:18. Тони и Джон Эндрю явились на станцию загодя. Они походили по перрону, все осмотрели, купили шоколадку в автомате.

Начальник станции вышел к ним поболтать:

– Ее милость сегодня возвращается?

Он был старым приятелем Тони.

– Я ее каждый день ждал. Сами знаете, что бывает с дамами, когда они дорвутся до Лондона.

– Жена Сэма Брейса как уехала в Лондон, так никакими силами нельзя было ее оттуда выманить. Пришлось ему самому туда за ней отправиться. А она ему же еще и трепку задала.

Но вот подошел поезд, и Бренда грациозно выпорхнула из вагона третьего класса.

– Оба пришли. Какие милые. Я этого не заслужила.

– Мам, а обезьянью тетку ты привезла?

– Что за *чушь* порет ребенок?

– Он вбил себе в голову, что у твоей подружки Полли есть

хвост.

– Кстати говоря, меня бы ничуть не удивило, если бы так оно и оказалось.

Багаж Бренды уместился в двух крохотных чемоданчиках. Шофер привязал их к багажнику, и Ласты покатали в Хеттон.

– Какие новости?

– Бен ставил высокий-высокий барьер, и мы с Громобоем вчера шесть раз прыгали, и сегодня шесть раз, и еще в прудике сдохли две рыбки, они вздулись и плавают вверх животами, и еще няня вчера обожгла чайником палец, и еще мы с папой вчера видели лису, ну, совсем рядом, она посидела, а потом убежала в лес, и еще я начал рисовать битву, но никак не могу кончить, потому что краски не те, и еще серая ломовая, у которой были глисты, поправилась.

– Никаких особых новостей, – сказал Тони. – Мы по тебе скучали. Что ты делала в Лондоне так долго?

– Я-то? Скверно себя вела, по правде говоря.

– Швырялась деньгами?

– Хуже. Флиртовала почем зря, ухнула кучу денег и получила уйму удовольствия. Но у меня есть для тебя ужасная новость.

– Что такое?

– Нет, лучше я ее попридержу. Тебе она вовсе не понравится.

– Ты купила мопса.

– Хуже, гораздо хуже. Только я этого еще не сделала. Но сил нет, как хочу.

– Давай выкладывай.

– Тони, я нашла квартиру.

– Так потеряй ее, и побыстрее.

– Ладно, я за тебя еще возьмусь. А пока постарайся заработать не хандрить.

– Я и думать об этом забуду.

– Пап, а что такое квартира?

* * *

Бренда обедала в пижаме, потом, примостившись около Тони на диване, ела сахар из его чашки.

– Все это, как я понимаю, означает, что ты снова заведешь разговор о квартире.

– Мм...

– Ты не подписывала никаких бумаг, а?

– Что ты! – Бренда решительно затрясла головой.

– Тогда еще ничего страшного. – Тони принялся набивать трубку.

Бренда присела на диване на корточки.

– Слушай, а ты не хандрил?

– Нет.

– Потому что ты квартиру представляешь себе совсем иначе, чем я. Для *тебя* квартира – это и лифт, и швейцар в галунах, и огромный парадный вход, и роскошный холл, из которого во все стороны ведут двери, и кухни, и буфетные, и столовые, и гостиные, и спальни для прислуги... верно, Тони?

– Более или менее.

– *То-то и оно*. А для меня – это спальня с ванной и телефоном. Уловил разницу? Так вот, одна моя знакомая...

– Какая знакомая?

– Ты ее не знаешь... Так вот, она разгородила целый дом неподалеку от Белгрейв-сквер на такие квартирки – платишь три фунта в неделю, и никаких тебе налогов и обложений, горячая вода, центральное отопление, когда нужно, можно вызвать уборщицу, что ты на это скажешь?

– Понятно.

– Теперь послушай, что я думаю. Что такое три фунта в неделю? Меньше девяти шиллингов в день. А где ты можешь остановиться с такими удобствами меньше чем за девять шиллингов? Тебе приходится ехать в клуб, а это обходится дороже, а я не могу вечно останавливаться у Марджори, ее это стесняет, ведь у нее еще пес, и ты сам всегда говоришь, когда я приезжаю вечером из Лондона, прошатавшись весь день по магазинам: «Почему ты не осталась там ноче-

вать? – говоришь ты. – Зачем так выматываться». Не счесть, сколько раз ты мне это говорил. Я уверена, мы тратим куда больше трех фунтов в неделю из-за того, что у нас нет квартиры. Знаешь что – я пожертвую мистером Кратуэллом. Идет?

– Тебе в самом деле так этого хочется?

– Мм...

– Видишь ли, мне надо подумать. Может, и удастся что-нибудь выкроить, но из-за этого придется отложить кое-какие усовершенствования в доме.

– Я этого совсем не заслужила, – сказала она, закрепляя сделку, – я всю неделю флиртовала *почем зря*.

* * *

Бренда пробыла в Хеттоне всего трое суток. Потом вернулась в Лондон, заявив, что ей надо заняться квартирой. Квартира, однако, не требовала пристального внимания. Предстояло решить, в какой цвет окрасить стены, и купить кое-что из мебели. У миссис Бивер все было наготове: она предоставила Бренде на выбор кровать, ковер, туалетный столик и стул – больше в комнате ничего не помещалось. Миссис Бивер пыталась всучить ей набор вышивок на стены, но Бренда их отвергла, а заодно с ними электрогрелку, миниатюрные весы для ванной, холодильник, стоячие часы, триктрак из зеркального стекла и синтетической слоновой

кости, серию книг французских поэтов восемнадцатого века в изящных переплетах, массажный аппарат и радиоприемник, вделанный в лакированный ящичек в стиле Регентства, – все это было выставлено специально для нее в лавке в качестве «недурных идей».

Миссис Бивер была не в претензии к Бренде за скромность ее приобретений, она неплохо подзаработала на квартире выше этажом, где одна канадская дама обшивала стены хромированными панелями, не считаясь с расходами.

Тем временем Бренда останавливалась у Марджори на условиях, которые делались все более унижительными.

– Мне не хотелось бы читать тебе мораль, – сказала Марджори как-то утром, – но я не желаю, чтобы твой мистер Бивер целыми днями торчал в моем доме и еще называл меня Марджори.

– Потерпи, квартира скоро будет готова.

– И я повторяю и буду повторять, что ты совершаешь нелепую ошибку.

– Просто тебе не нравится мистер Бивер.

– Нет, не только в этом дело. Видишь ли, я думаю, что Тони придется туго.

– За Тони не беспокойся.

– А если будет скандал?..

– Скандала не будет.

– Ну не скажи. Так вот, если будет скандал, я не хочу, чтобы Аллан думал, будто я вам потакала.

– Я тебе не говорила таких гадостей насчет Робина Бизили.

– Между нами ничего такого и не было, – сказала Марджори.

Но если не считать Марджори, общественное мнение было целиком на стороне Бренды. По утрам трещали телефоны, разнося новости о ее похождениях, и даже те, кто был с нею едва знаком, захлеб рассказывали, как видели ее накануне с Бивером в ресторане или в кино.

В эту осень худосочных и скудных романов сходились и расходились лишь парочки, которым это было на роду написано, и Бренда кинула кусок тем, кто, за неимением других удовольствий, раскинувшись поутру в постели, наслаждался, обсасывая такого рода новости по телефону. Обстоятельства романа Бренды имели особое очарование: целых пять лет она была легендой, чем-то почти мистическим, плененной принцессой из волшебной сказки, и теперь, когда она явила миру подлинное лицо, это было куда увлекательней, чем смена предмета увлечения у любой другой благоразумной жены. Самый выбор партнера сообщал этой связи нечто фантазмагорическое: Бивер – это всеобщее посмешище – был внезапно вознесен ею в сверкающую обитель небожителей. Если бы после семи лет неукоснительной супружеской верности Бренда наконец закрутила роман с Джоком Грант-Мензисом, или Робинотом Бизили, или любым другим хлыщом, с которым почти у всех рано или поздно был один-другой за-

ход, это тоже было бы захватывающе интересно, но в конце концов не выходило бы за рамки привычной салонной комедии. Избрание Бивера поднимало эту эскападу в глазах Полли, Дэйзи, Анджелы и всей шайки сплетниц до поэтических высот.

Миссис Бивер не скрывала своего восторга: «Конечно, Джон ничего мне не говорит, но если то, что я слышу, правда, мальчику это пойдет на пользу. Конечно, он всегда нарахват и у него много друзей, но *тут совсем другое дело*. Я давно чувствовала, ему чего-то недостает, и думаю, что именно такая очаровательная и опытная женщина, как Бренда Ласт, может ему помочь. Он оч-чень привязчив, но он такой сдержанный, что по нему никогда не догадаешься... Сказать по правде, я почувствовала что-то такое в воздухе на прошлой неделе и под благовидным предлогом уехала на несколько дней. Не сделай я этого, может, у них все и кончилось бы ничем. Он такой застенчивый и скрытный, даже со мной. Я распоряджусь, чтобы шахматы тут же починили и отослали вам. Благодарю вас».

Бивер первый раз в жизни почувствовал себя человеком интересным и чуть ли не значительным. Женщины заново приглядывались к нему, размышляя, что же они в нем проглядели, мужчины обращались с ним как с равным и даже удачливым соперником. Возможно, они и задавались вопросом: «И за что это ему?» Зато, когда он входил в Брэтт-клуб, для него освобождали место у стойки и говорили: «Привет,

старик, опрокинем по одной?»»

* * *

Бренда звонила Тони утром и вечером. Иногда с ней разговаривал Джон Эндрю – голосом пронзительным, как у Полли Кокперс; ответов ее он не слушал. На субботу и воскресенье она уехала в Хеттон, потом снова вернулась в Лондон, на этот раз в квартиру, где краска уже высохла, хотя горячую воду еще подавали с перебоями; тут от всего пахло новизной: от стен, простынь, занавесок, а от новых радиаторов куда менее приятно разило раскаленным железом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.